

ROSSICA OLOMUCENSIA Vol. XLVII

Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2

Olomouc 2008

Omluva

Redakce časopisu *Rossica Olomucensia* se omlouvá za nepřesné informace, jakož i za překlepy v tiráži časopisu roč. 2008 v č. 1 i 2.

Jedná se především o uvedení místa působiště prof. PhDr. Márii Kusé, CSc., kterým je Bratislava, a dále titulu prof. PhDr. Iva Pospíšila, DrSc.

Dále sdělujeme adresu, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP
Biskupské náměstí 1
771 11 Olomouc
e-mail: prodejna.vup@upol.cz

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. XLVII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2008

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

JAN GREGOR: Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu)	5
JÍŘÍ KOROSTENSKI: Языковые рефлексии некоторых аспектов концепта ‚контейнеремкости‘ в русском языке (в частичном сопоставлении с чешским)	15
JANA SOKOLOVÁ: Narážka jako implicitná informácia v komunikácii	29
ВАЛЕНТИНА ТИХОВА: Совершенство и самосовершенство языковой личности старшеклассника	35
ЛИДИЯ ВАУЛИНА: Субъективная модальность и межкультурная коммуникация	41
ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ: Малые слова великого языка I – «типа»	45
ZDEŇKA VYCHODILOVÁ: “Zum Befehl, Herr Oberleutnant” aneb Vícejazyčnost v Haškově Švejkovi z translátologického pohledu	55
EVA VYSLOUŽILOVÁ: K podsystému nové ruské sportovní terminologie	65
STANISLAV ŽAŽA: Funkce genitivu adnominálního v antických jazycích a ve staré ruštině	71

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

JINDŘIŠKA PILÁTOVÁ: Eva Jandová a kol.: Čeština na www chatu	81
LADISLAV VOBOŘIL: Jan Grzenia: Komunikacja językowa w Internecie	84
ZDEŇKA VYCHODILOVÁ: Ludmila Stěpanová: Rusko-český frazeologický slovník	86

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

JOSEF ANDERŠ: Mezinárodní konference ukrajinistů střední a východní Evropy	89
LADISLAV VOBOŘIL: IX. mezinárodní vědecká konference z cyklu „Slovo a věta ve slovanských jazycích (popis – konfrontace – překlad)“	92
HELENA FLÍDROVÁ, ZDEŇKA VYCHODILOVÁ, EVA VYSLOUŽILOVÁ: Dialog kultur V.....	94

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

XX Оломоуцкие дни русистов – приглашение	97
Pokyny pro autory	99

JAN GREGOR

Česká republika, České Budějovice

VALENČNÍ MOŽNOSTI VERBONOMINÁLNÍCH SPOJENÍ V PUBLICISTICKÉM STYLU (V RUSKO-ČESKÉM SROVNÁVACÍM PLÁNU)

АБСТРАКТ:

Under the concept of lexicalised verbo-nominal constructions (VNC's), e.g. *принять участие в чем* (*участвовать в чем*) – to take part in sth, *мít vliv na co* (*ovlivnit co*) – to have (// exert // exercise) an influence on sth, the author understands specific set phrases consisting of a categorial component (a formal verb) followed by a nominal component (an abstract substantive). The paper presents results of a more comprehensive (semantic-)syntactic (and lexical) analysis and description of Russian VNC's and their one-word verbal equivalents in comparison with Czech. The results obtained are important, in particular, for effective acquisition of this type of VNC's, for their lexicographical compiling as well as for practice of translation.

KEY WORDS:

Lexicalised verbo-nominal constructions – valency possibilities – Russian-Czech comparison – journalistic style – conclusions of doctoral thesis.

АБСТРАКТ:

Под понятием устойчивые глагольно-именные словосочетания (ГИС), как, напр., *принять участие в чем* (*участвовать в чем*), *оказывать влияние на что* и мн. др., автором понимаются специфические описательные обороты, состоящие из категориального компонента (т.е. формального глагола) и номинального компонента (т.е. отвлеченного существительного). Статья представляет результаты более полного (семантико-)синтаксического (и лексического) анализа и описания ГИС. Полученные результаты важны преимущественно для эффективного усвоения этого типа устойчивых глагольно-именных словосочетаний, для их лексикографической обработки, а также для переводческой практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Устойчивые глагольно-именные словосочетания – валентные возможности – русско-чешское сопоставление – публицистический стиль – заключения докторского труда.

1 Předmět doktorské disertační práce

Ustálená verbonominální spojení (VNS) typu *brát v úvahu co* – *принимать во внимание что* lze podle našeho názoru pokládat za jeden ze základních, stěžejních jazykových prostředků ruského odborného, publicistického a administrativního stylu. V daných funkčních stylech je tento jev, z hlediska komunikace velmi důležitý a často

nezastupitelný, jak v ruštině, tak v češtině hojně rozšířen, navíc se hodnotí jako velmi produktivní. Větším výskytem VNS se však podle mnohých vědců vyznačuje ruština. To bývá považováno za jeden z příznaků jejího příklonu k analytismu, k analytickému vyjadřování. V této souvislosti se často hovoří rovněž přímo o všeobecné tendenci k zesílení analytismu, příznačné pro celý jazykový systém současné ruštiny. I tendence ke jmennému vyjadřování v obou jazycích bezpochyby roste. Vznik a expanze VNS v současných indoevropských jazycích a v ruštině zvláště je obecně vzato důsledkem složitějšího působení celé řady vývojových tendencí probíhajících v těchto jazycích. Je důsledkem vzrůstajících nároků společenské komunikace, důsledkem potřeby zachycovat ve stále větší složitosti, mnohostrannosti a diferencovanosti jak objektivní realitu, tak i myšlenkové procesy. Vezmeme-li kromě toho v úvahu některé nesporné klady užívání VNS, lze konstatovat, že tato široká oblast nabývá stále na významu.

Převážná většina VNS sestává ze dvou významových slov, dvou složek – formálního slovesa a abstraktního substantiva (resp. ojedinele zpodstatnělého adjektiva). Substantivum má obvykle s jednoduchým souvztažným slovesem stejný slovní základ, např. *оказывать влияние = влиять, mít vliv = овлиять*. Někdy se podstatné jméno vyskytuje v předložkovém tvaru, např. *иметь в виду – mít na mysli*. Vytvořením modelu „sloveso plus substantivum“ vzniká komplexní útvar, pojmenování pro děje i stavy, jehož části se vzájemně doplňují. Doktorská disertační práce se zaměřuje zejména na jejich stránku syntaktickou, tj. na analýzu a popis valenčních možností těchto spojení v ruském publicistickém stylu a z lingvodidaktického hlediska na zpracování jejich klasifikace v česko-ruském srovnávacím plánu (srov. např. *зпůsobит škodu в чем кому – нанести ущерб в чем кому*).

Význam, rozšíření a aktuálnost VNS poutaly a poutají pozornost mnoha ruských a českých jazykovědců, jakož i lingvistů z dalších zemí. Jde totiž o jev, s nímž se lze setkat i v mnoha jiných indoevropských jazycích (tzv. europeismus). Studijní literatura k tomuto tématu je tak nejen v ruštině a češtině vcelku poměrně bohatá a rozsáhlá, neboť je zastoupena již poměrně velkým počtem zejména časopiseckých a sborníkových článků, věnovaných výlučně daným spojení. Kromě těchto relativně četných pramenů lze většinou okrajové zmínky o zkoumaném jevu nalézt v různých učebnicích, skriptech apod. Avšak poznámky o valenčních možnostech VNS jsou spíše nepočtené, zlomkovité a roztroušené. Z chronologického hlediska se práce opírá o literaturu pokrývající poměrně dlouhý časový úsek (přibližně 70 let), výjimkou jsou práce starší. Dřívější intenzivnost lingvistického výzkumu v této oblasti se projevuje hojností prací zvláště ze 60. – 80. let 20. století.

Z českých, ruských a slovenských badatelů se problematikou VNS a celkově oblastí **multiverbivace** více či méně intenzivně zabývalo vždy pouze několik významných lingvistů, kteří tomuto jevu věnovali několik cenných studií či alespoň poznámek. Ve 30. a 40. letech 20. stol. to u nás byl především J. V. Bečka, dále např. P. Adamec, F. Čermák, Ž. Hrbáčková, A. Jedlička, M. Jelínek, M. Kubík, E. Macháčková, O. Man, V. Vlková, S. Žaža, D. Žváček a v poslední době zvláště B. Rudincová, jež zkoumaným spojení poskytl poměrně dost místa i ve své monografii [Rudincová 2001: 29, 149, 163–170]. V Rusku na VNS upozornil již v r. 1869 F.I. Buslajev [Буслаев 1959: 509], zabývali se jimi např. M.M. Kopylenko [Копыленко], N.M. Lariochinová [Лариохи-

на], N.N. Prokopovič [Прокопович], V.V. Vinogradov [Виноградов], L. K. Žulinská [Жулинская] a mn. j. Na Slovensku zkoumali VNS např. A. Jarošová, J. Kačala, E. Kralčák ad.

Komplexní a systematický rozbor a popis VNS byl proveden zvl. pro němčinu [Daniels 1963, Schmidt 1968, Herrlitz 1973, Herrmann-Dresel 1987 aj.], ruštinu [Мордвилко 1964 aj.], ale například i pro polštinu [Anusiewicz 1978, Mietła 1998 aj.] atd. Lexikograficky byla tato spojení zpracována zejména pro ruštinu [Красных (red.) 1973, Широкова (red.) 1983, Дерibas 1983, Дерягина 1987 aj.]. Naše jazykověda na rozdíl od slovenské [Kralčák 2005] moderní monografickou publikací na uvedené téma dosud postrádala. Nepočítáme-li ovšem některé knižně nevydané kandidátské disertační práce [např. Macháčková 1979, Hrbáčková 1979, Vlková 1987 aj.]. Nemáme dokonce ani kvalitní specializovaný slovník českých VNS (jediný dostupný [Bečka 1982] zahrnuje i četné frazeologismy).

Valenční možnosti těchto spojení si podrobné prozkoumání nepochybně zaslouží. Jejich komplexní a systematický výzkum dosud ani pro ruštinu, ani pro češtinu proveden nebyl. VNS byla takto prozkoumána pouze velmi částečně, fragmentárně, v malém měřítku [srov. zvl. Кубик 1977]. V případě této práce jde tak o první novodobou monografii svého druhu v rusistické i bohemistické jazykovědné sféře. Analyzované problematice je věnována i autorova druhá monografie.

2 Cíle doktorské disertační práce

Základním cílem doktorské disertační práce bylo na základě vyexcerpovaného aktuálního a dalšího pomocného jazykového materiálu podat komplexní charakteristiku včetně konstrukčních možností ruských a českých ustálených verbonominálních spojení (vč. souvztažných sloves) a jejich vzájemné srovnání s důrazem na didaktické využití nastolené koncepce.

K dílčím cílům práce patřily zejména:

- stručný, systematický a názorný popis základních rysů VNS v ruštině;
- detailní rozpracování valenčních možností VNS v ruském publicistickém stylu (rozložení jednotlivých strukturních typů);
- poskytnutí rozsáhlého jazykového materiálu a naznačení možností jeho využití při tvorbě různých jazykových příruček, učebnic či slovníků;
- vypracování komplexní, exaktní a metodicky podložené konfrontační klasifikace z hlediska komparativně lingvodidaktického znázorňující a exemplifikující rekční možnosti a lexikální složení:
- ruských VNS bez souvztažných sloves;
- ruských VNS ve srovnání s ruskými souvztažnými slovesy (shody a zvl. neshody);
- českých VNS bez souvztažných sloves;
- českých VNS ve srovnání s českými souvztažnými slovesy (shody a zvl. neshody);
- ruských VNS ve srovnání s českými VNS.

Lze se patrně domnívat, že stanoveného základního cíle i cílů dílčích bylo dosaženo poměrně komplexně (zvl. v klíčových kapitolách 6. a 9.).

Výzkum byl proveden na základě vyexcerpovaného materiálu, zpracovaného elektronicky i kartotéčně. Daný jazykový vzorek obsahoval nejprve 1235, po dalším rozšíření až 1726 ruských příkladových vět s VNS z originálního a současného ruského tisku z textů často velmi rozmanitého zaměření. Doplnkově byla provedena excerpce tisku českého, z níž vzešlo 1294 českých vět, obsahujících VNS.

3 Hlavní závěry z provedeného výzkumu

Pro současný jazykový systém ruštiny a češtiny jsou VNS prostředkem nanejvýš příznačným, charakteristickým a perspektivním. Funkční zatížení těchto spojení je v obou daných jazycích totožné. Rozdíly v užívání VNS v ruštině a češtině lze spatřovat patrně pouze ve vyšší frekvenci výskytu tohoto typu analytických spojení v ruštině. To zřejmě souvisí se snahou o maximální syntaktickou kompresi, s výraznou jazykovou ekonomikou a s posilováním příznaků analytismu. Tyto rysy se v ruštině, jak známo, projevují v mnohem větší míře.

Z dosavadního výzkumu byly vyvozeny některé dílčí závěry. Tyto závěry lze rozčlenit na několik bloků v souladu s obsahovou strukturou práce.

3.1 K obecnému charakteru VNS

Pod pojmem *ustálené verbonominální spojení* se rozumí spojení delexikalizovaného formálního slovesa (FS) a plnovýznamového abstraktního substantiva (*под-верзать анализу что*). – Jednotná a jasná, obecně přijatelná, syntetizující, komplexní a přehledně vyložená koncepce pojetí ustálených VNS či pouhá jejich definice neexistuje. – Zařazování VNS jakožto jevu rázu přechodného do určité dílčí lingvistické oblasti je nejednoznačné. – VNS se řadí k frazeologickým spojení, nikoli k frazeologismům či idiomům, neboť jejich členy „žijí“ i mimo spojení bez příznaků expresivity a idiomatičnosti. – Pojmenovávání VNS je terminologicky nejednotné v důsledku mnohotvárnosti daného jevu, jeho pojmání z nejrůznějších aspektů. Nejvhodnějším názvem je patrně termín *ustálené verbonominální spojení/устойчивое глагольно-именное словосочетание*. Novým VNS není ovšem vlastní ustálenost „temporální“, nýbrž „modelová“. – Míra desémantizace FS a jeho splynutí s abstraktem se v celém rozsáhlém korpusu VNS plynule pohybuje od téměř úplného vyprázdňení významu FS přes jisté přechodné stadium až k jeho téměř úplnému zachování (jde o osu: centrum – přechodné pásmo – periferie). Exaktně stanovit tuto míru je zřejmě nemožné. – VNS se obecně považují za jeden větný člen, a tedy za jednu komplexní sémantickou jednotku. Podle užitých kritérií nicméně existují dvě opodstatněná hlediska. Formálně gramaticky jsou VNS dvěma větnými členy, funkčně sémanticky jedním větným členem. Oba přístupy poukazují na dialektický protiklad formy a významu. Důležitý je určitý komentář k uplatněnému hledisku. – Větné modely s VNS je třeba k příslušným větným schémátům řadit z hlediska čistě formálního, a to nejen z důvodů didaktických, ale i pro zmíněnou nemožnost přesného určení míry sémantického splynutí komponentů VNS. – Je patrná značná neustálenost termínů užívaných pro VNS z hlediska větněčlenského a s tím spjatá jejich (ne)vhodnost zvláště při označování VNS jako celku a jeho jmenného komponentu. Na VNS nelze pohlížet jinak než na jistý druh přísudku. Ve větě funguje

jako jeho jednoslovný ekvivalent (existuje-li) v témže či jiném jazyce. Všechna VNS mají tedy oprávněně jako celek větněčlenskou platnost jednoduchého slovesného přísudku (*простое глагольное сказуемое*), je-li sloveso ve tvaru určitém. Taková predikátová pozice a gramatický tvar jsou pro VNS nejtypičtější. Jmenná složka tvoří neoddělitelnou součást tohoto přísudku, není předmětem (objektem). Funkci případného předmětu má až větný člen (nejčastěji jméno) následující za VNS. Popisem komponentů VNS termíny slovnědruhovými se lze nejasnostem vyhnout. – Široká oblast VNS je poměrně složitě diferencována z hlediska sémantického, syntaktického a stylistického v R i v Č. Totéž platí rovněž pro spletené vztahy VNS vs. souvztažná slovesa opět v obou jazycích. – VNS jsou tvořena několika sty formálních sloves, vážících na sebe několik tisíc abstraktních substantiv. Okruh těchto substantiv se neustále rozšiřuje. VNS tak představují v R i v Č velice produktivní typ analytického pojmenování. Nová spojení vznikají obvykle na základě existujících modelů.

3.2 K syntaktické struktuře VNS

Ustálená VNS se tvoří na základě obecného, nadřazeného modelu verbum formální – substantivum abstraktní ($V + S_{\text{abstr}}$). Substantivum je buď v pádě prostém (**вносит** вклад), nebo předložkovém (**иметь** в виду). Ve VNS mohou být slovesný i jmenný komponent rozvíjeny závislými slovy. Pro oblast slovesné rekce se rozlišují „vnitřní vazba“ FS a první a druhá „vnější vazba“ VNS. FS může být rozvíjeno příslovcem. Nejtypičtější je fakultativní či obligatorní rozvíjení jmenného komponentu prepozitivním přívlastkem shodným a postpozitivním přívlastkem neshodným. – Abstrakta se ve VNS užívá ve všech prostých a předložkových pádech. V R i v Č se převážně jedná o bezpředložkové modely – o spojení tranzitivního FS se substantivem v akuzativu (77,5 %; model $V + S_{\text{ak}}$, např. **вести переговоры**). Ostatní pády se vyskytují mnohem méně. – Obligatorní syntaktická vazba VNS, konkretizovaná výběrem pádu členu závislého na VNS, může být v R i v Č podmíněna: (1) slovesným komponentem VNS (**брать интервью у кого**); (2) jmenným komponentem VNS (**проявлять интерес к чему**); (3) sémantikou VNS jako celku (**идти на смену чему**). Česká VNS se často pojí s jinými závislými komponenty než jejich ruské protějšky. – Rekce spojení a souvztažného slovesa se může „vnitrojazykově“ i „mezijazykově“ shodovat i neshodovat (**принять участие в чем** = участвовать в чем). Nejfrekventovanější neshodou je genitiv abstrakta VNS a akuzativ u tranzitivního souvztažného slovesa (**проводить репетицию чего** ≠ репетировать что). – Syntaktické vazby se mohou u VNS v porovnání (při záměně) se slovesným ekvivalentem: 1. zachovat; 2. změnit (odlišné vyjádření týchž vztahů); 3. nevyjádřit se. – Shodu rekce některých VNS ovlivňuje společná příslušnost k téže sémantické skupině.

3.3 K syntaktické struktuře (vět s) VNS, excerpovaných z ruského publicistického stylu

Vnitrovalenční komplementy formálního slovesa VNS, neboli ruská syntaktická abstraktní substantiva u verba finita, představující tzv. vnitřní vazbu FS ve VNS, mohou být ve všech prostých i předložkových pádech, tedy: (prep) $S_{\text{gen}}, S_{\text{dat}}, S_{\text{ak}}, S_{\text{lok}}$.

S_{instr} ; vyskytují se v tří-, čtyř- i pětikomponentových modelech. – Ruská syntaktická abstraktní substantiva, představující tzv. první vnější vazbu VNS, se mohou pojit rovněž se všemi prostými i předložkovými pády, tedy: (prep) S_{gen} , S_{dat} , S_{ak} , S_{lok} , S_{instr} ; vyskytují se ve čtyř- a pětikomponentových modelech. – Ruská syntaktická abstraktní substantiva, představující tzv. druhou vnější vazbu VNS, se mohou pojit téměř se všemi prostými i předložkovými pády, tedy: (prep) S_{gen} , S_{dat} , S_{ak} , S_{instr} , nebyl zaznamenán výskyt S_{lok} ; vyskytují se v pětikomponentových modelech. – Adverbiálie, infinitivy a vedlejší věty v úloze obligatorních komponentů se mohou vyskytovat v některých čtyř- a pětikomponentových modelech. – Nejfrekventovanějším pádem je obecně vzato bezpředložkový akuzativ – celkově je postavení tohoto pádu v modelech s třemi, čtyřmi i pěti komponenty dominantní (77,5 % abstrakt tvořících tzv. vnitřní vazbu VNS v ruském publicistickém stylu). – Nejproduktivnějším strukturním modelem se mezi tříkomponentovými modely zdá být SM (S_{nom}^1) – [Vf – S_{ak}^2], mezi modely čtyřkomponentovými – (S_{nom}^1) – [Vf – S_{ak}^2] – S_{gen}^3 , mezi modely pětikomponentovými – (S_{nom}^1) – [Vf – S_{ak}^2] – S_{dat}^3 – Inf.

3.4 K syntaktické a sémantické struktuře (vět s) VNS s FS *дать/давать*

FS *дать/давать* tvoří ve spojení s abstraktem strukturně poměrně rozvětvenou soustavu syntaktických konstrukcí a vztahů mezi jejich komponenty jako důsledek pestrých valenčních možností substantivního komponentu těchto VNS, vyžadujícího potenciální doplnění obsahu sdělení v podobě různých prostých i předložkových pádů, infinitivu či vedlejší věty. Všechny zaznamenané formy vyjádření obsahu sdělení ve funkci potenciálního větného členu se ve větě mohou či nemusí realizovat v závislosti na kontextu sdělení. – Patrně neexistuje jednoznačná souvislost mezi příslušností určitých abstrakt k jisté sémantické skupině a jí odpovídajícím syntakticko-sémantickým modelem. V jedné sémantické (obecně) homogenní skupině se mohou vyskytovat různé syntaktické modely (jeden obsah, různá forma, srov.: *дать взятку кому x дать в долг что кому*) a naopak: jeden syntaktický model lze přiřadit k více sémantickým skupinám (jedna forma, různý obsah). Vzájemný vztah mezi syntaktickou a sémantickou strukturou vět má tedy asymetrický charakter. Nicméně často platí, že syntaktická příslušnost abstrakt nám pomáhá zpřesnit jejich příslušnost sémantickou a naopak. Adresát v dativu zde celkově jednoznačně převažuje (většinou jde o sémantiku předávání *něčeho někomu* v širokém smyslu slova).

3.5 Ke komparativní didaktické klasifikaci českých a ruských VNS a jejich souvztažných sloves

V obou hlavních částech je vždy nejpočetněji zastoupena část 1., kdy v R existuje souvztažné sloveso (SS) s touž vazbou (vazbami) a vazba (vazby) Č- a R- VNS jsou totožné; ovšem i tato základní skupina je dále rovnoměrně diferencována v důsledku odlišného lexikálního složení Č- a R-VNS. – Počet příkladů obvykle celkově plynule, kontinuálně, avšak zároveň místně kolísavě v jednotlivých podčástech klesá (někdy až k nulovému výskytu) od skupiny s vazbami zcela totožnými k příslušné poslední skupině s vazbami úplně odlišnými. – Početní rozvrstvení dokladů ukazuje na fakt,

že v obou hlavních částech klasifikace převažují Č- a R-VNS svým SS disponující. Toto SS pak navíc v R mívá vazbu pádově ekvivalentní vazbě SS českého. – V obou hlavních částech klasifikace lze v příslušné skupině nalézt mnohem méně českých spojení bez SS než týchž spojení ruských. R tedy nezřídka tato SS nedokáže vytvořit, většinou patrně z důvodů slootovorných, srov. **дát** *výhodu* v *čem кому*/o, nebo je existující tvar již rezervován pro zcela či částečně odlišný význam, srov. **vést** *jednání* s *kým*/jednat s *kým* : **вечму** *переговоры* с *кем*/o. – V celé klasifikaci se v Č- i v R-VNS projevuje jasná dominance vnitřních vazeb akuzativních prostých. O další vazbu (vazby) se většinou poměrně dělí všechny další pády, nezřídka předložkové. Celkové frekvenční procentuální (a absolutní) zastoupení jednotlivých pádů například na vnitřní vazbě **405** českých VNS je následující: $S_{gen}: 1\%$ (5), $S_{dat}: 1\%$ (4), $S_{ak}: 69\%$ (281), $S_{instr}: 2\%$ (9); *praep* $S_{gen}: 10\%$ (41), *praep* $S_{dat}: 4,5\%$ (18), *praep* $S_{ak}: 8,5\%$ (34), *praep* $S_{lok}: 2\%$ (7), *praep* $S_{instr}: 1,5\%$ (6). Analogické výsledky bychom vzhledem k převažující podobnosti českých a ruských porovnávaných modelů získali podle všeho i v ruštině.

4 Využití výsledků výzkumu a perspektivy VNS

Důkladná analýza syntaktických a sémantických vlastností této jazykové univerzálie, prolínající všemi funkčními styly mnoha indoevropských jazyků, je v plném souladu se současnými trendy ve světové lingvistice, ovládané právě sémantikou, funkčností a souvztažností jazykových jednotek.

Dosažené výsledky a vyvozené závěry by měly na jedné straně přispět k hlubšímu poznání této dosud v určitých aspektech málo prozkoumané oblasti lingvistiky a také k dalšímu rozšíření a prohloubení dosavadní teoretické a metodologické obecně lingvistické, slavistické a rusistické vědomostní vědecké báze. Na straně druhé mohou získané poznatky s využitím poskytnutého konkrétního materiálu nalézt podle našeho názoru velmi pestré praktické uplatnění zejména v oblasti česko-ruské lexikografie, teorie a praxe překladu, jakož i metodiky jazykového vyučování, kdy výsledky zkoumání mohou být bezprostředně využity i při cizojazyčné výuce (např. různé typy cvičení) a při sestavování mluvnických příruček.

Závěrem lze konstatovat, že ustálená verbonominální spojení jsou unikátním, produktivním a tedy perspektivním jazykovým fenoménem. Vyskytují se totiž v počtu několika tisíc slovních spojení v mateřské a/či během života osvojované mluvě několika miliard lidí všech kontinentů planety. Jejich význam nadto s postupem procesu globalizace světa ve jménu obchodu a vědy, tj. zvl. v důsledku šíření vlivu velkých a zavedených světových jazyků (angličtiny, ruštiny, němčiny ad.), se vši pravděpodobností dále poroste.

POUŽITÁ LITERATURA

- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1959): *Историческая грамматика русского языка*. М. 622 s.
ВИНОГРАДОВ, В. В. (1972): *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М. 614 s.
ГРЕГОР, Я. (2006(a)): *К вопросу о русских эквивалентах чешских устойчивых глагольно-именных словосочетаний с глаголом mít*. *Przegląd rusycystyczny* 28, Nr 3 (115), 31–40.
ГРЕГОР, Я. (2006(b)): *К вопросу о синтаксических функциях устойчивых глагольно-именных словосочетаний, содержащих инфинитив (тезисы)*. In: *Новые направления в изучении русского языка и в методике его преподавания. Материалы докладов и сообщений XI международной научно-методической конференции*. Санкт-Петербург, 52–53.

- ГРЕГОР, Я. (2006(c)): *Согласованное определение в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях (тезисы)*. In: Доклады 63-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. Часть IV. Санкт-Петербург, 80–83.
- ГРЕГОР, Я. (2006(d)): *К характеру и типам согласованного определения в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях (на материале публицистического стиля русского языка)*. In: Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005). Olomouc, 111–120.
- ГРЕГОР, Я. (2007): *Семантический анализ абстрактных существительных в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях с глаголом дать*. In: XI Конгресс МАПРЯЛ. Современная чешская русистика (Сборник чешской делегации). Ústí nad Orlicí, 93–98.
- ДЕРИБАС, В. М. (1983): *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*. М. 256 с.
- ДЕРЯГИНА, С. И. (1987): *Учебный словарь глагольно-именных словосочетаний русского языка (на материале общественно-политических текстов)*. М. 160 с.
- ЖУЛИНСКАЯ, Л. К. (1972): *К вопросу о распространении устойчивых словосочетаний в современном русском языке*. In: Вопросы грамматического строя современного русского языка. М., 92–108.
- КАСЬЯНОВА, Л. Н. (1975): *Семантическая структура и особенности функционирования описательного глагольно-именного оборота в предложении*. АКД. М. 22 с.
- КОЗЬМЕНКО, В. А. (1958): *Глагольно-именные фразеологические обороты в современном русском литературном языке*. In: Труды Филологического факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького, т. 6. Харків, 77–89.
- КОПЫЛЕНКО, М. М. (1973): *Сочетаемость лексем в русском языке*. М. 119 с.
- КРАСНЫХ, В. И. (ред.) (1973): *Словарь глагольно-именных словосочетаний общенаучной речи*. М. 80 с.
- КУБИК, М. (1974): *К проблематике сопоставительного изучения лексикализованных глагольно-именных сочетаний (на материале русского и чешского языков)*. In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 153–176.
- КУБИК, М. (1977): *Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешскими*. Praha. 204 с.
- КУЗЬМЕНКОВА, В. А. – ЛАРИОХИНА, Н. М. 2005: *Описательные предикаты в профессионально ориентированном обучении РКИ*. РЯР, № 1–2, 52–59.
- ЛАГУЗОВА, Е. Н. (2003): *Основные тенденции развития описательных глагольно-именных оборотов в русском языке*. РЯШ, № 5, 72–77.
- ЛАРИОХИНА, Н. М. (1979): *Вопросы синтаксиса научного стиля речи (Анализ некоторых структур простого предложения)*. М. 240 с.
- МОРДВИЛКО, А. П. (1964): *Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты)*. М. 132 с.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э. (1981): *Управление в русском языке: Словарь-справочник. Для работников печати*. М. 207 с.
- РУДИНЦОВА, Б. (1998): *Некоторые структурные типы наименований в русском коммерческом языке (семантико-словообразовательная характеристика с учетом морфолого-синтаксического аспекта)*. In: RosOstr. Ostrava, 93–100.
- СИНЬ, В. (1987): *Глагольно-именные описательные выражения и соотносительные однокоренные глаголы в современном русском языке*. РЯР, № 3, 69–75.
- ХАЙРОВ, Ш. В. (1984): *Десемантизация глагола и проблема лексико-грамматического анализма (на материале славянских языков)*. In: Вестник ЛГУ, № 8. Л., 84–89.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (1973): *О соотношении грамматической и семантической структуры предложения*. In: Славянское языкознание. М., 458–483.
- ШИРОКОВА, Л. И. (ред.) (1983): *Устойчивые словосочетания русского языка*. М. 272 с.
- ЮРЧЕНКО, В. С. (1973): *Типы сказуемого*. РЯШ, № 4, 79–83.
- ADAMEC, P. (1973(a)): *Deverbativní a deadjektivní substantiva ve funkci subjektu a objektu ruské věty*. In: Bulletin ruského jazyka a literatury XVII. Praha, 23–38.
- ADAMEC, P. (1973(b)): *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка (I – Однобазовые предложения)*. Praha. 136 s.
- ADAMEC, P. (1975): *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка (II – Двухбазовые предложения с нефинитными К-структурами)*. Praha. 201 s.
- ANUSIEWICZ, J. (1978): *Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim*. Wrocław. 199 s.
- BAUER, J. – MRÁZEK, R. – ŽAŽA, S. (1979): *Průruční mluvnice ruštiny 2. Skladba*. Praha. 521 s.
- BEČKA, J. (1933): *Kapitoly o českém slovese*. NŘ 17, č. 4, 97–102.

- BEČKA, J. V. (1982): *Slovník synonym a frazeologismů*. Praha. 464 s.
- ČERMÁK, F. (1974): *Viceslovná pojmenování typu verbum – substantivum v češtině (Příspěvek k syntagmatice tzv. abstrakt)*. SaS 35, č. 4, 287–306.
- DANIELS, K. (1963): *Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Nominaler Ausbau des verbalen Denkkreises*. Düsseldorf. 249 s.
- GREGOR, J. (2005): *Синтаксические функции русских устойчивых глагольно-именных словосочетаний, содержащих инфинитив (на материале публицистического стиля русского языка)*. In: *Rossica Olomucensia XLIII (za rok 2004)*. Olomouc, 55–66.
- GREGOR, J. (2006(a)): *Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického)*. *Opera slavica XVI*, č. 4, 11–26.
- GREGOR, J. (2006(b)): *Fenomén verbonominálního vyjadřování v ruštině ve srovnání s češtinou a překlad verbonominálních spojení do češtiny a ruštiny*. In: *Tzv. základní výzkum v lingvistice – desideratum, nebo realis?* Sborník příspěvků z 5. mezinárodní konference Setkání mladých lingvistů. Olomouc, 102–106.
- GREGOR, J. (2006(c)): *Syntakticko-sémantická analýza ruských verbonominálních spojení se slovesem дать (na materiálu publicistického stylu)*. In: *Slavistické perspektivy (Workshop olomouckých slavistů)*. Olomouc, 137–152.
- GREGOR, J. (2006(d)): *Širokospektrální možnosti překladu ruských verbonominálních spojení publicistického stylu do češtiny*. In: *Konference mladých slavistů I. Slavistika dnes: trendy a perspektivy*. Praha, 80–92.
- GREGOR, J. (2007(a)): *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v česko-ruském srovnávacím plánu)*. Doktorská disertační práce, Katedra slavistiky FF UP. Olomouc. 291 s.
- GREGOR, J. (2007(b)): *Ustálená verbonominální spojení v ruském publicistickém stylu a jejich specifika (v částečné konfrontaci s češtinou)*. Rigorózní práce, Katedra slavistiky FF UP. Olomouc. 227 s.
- GREGOR, J. (2007(c)): *Typologie lexikálních vztahů ruských ustálených verbonominálních spojení s formálním slovesem ДАТЬ a jejich souvztažných sloves (ve srovnání s češtinou)*. *Slavia 76*, č. 4, s. 373–387.
- GREGOR, J. (2007(d)): *Lubomír Kralčák: Analytické verbo-nominální spojenia v slovenčine. Synchronno-diachrónny pohľad*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2005. 204 s. *Slovo a slovesnosť* 68, č. 1, 71–75.
- GREGOR, J. (2007(e)): *Shodný přívlastek v ruských ustálených verbonominálních spojeních z hlediska frekvence výskytu (na materiálu ruského publicistického stylu)*. In: *Rossica Olomucensia XLV (za rok 2006)*. Olomouc, 43–60.
- GREGOR, J. (2008(a)): *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu)*. Olomouc. 398 s. ISBN 978-80-244-1933-6
- GREGOR, J. (2008(b)): *Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou)*. České Budějovice. 300 s. ISBN 978-80-86708-56-0
- GREGOR, J. (2008(c)): *Устойчивые глагольно-именные словосочетания в процессе преподавания РКИ (в сопоставительном чешско-русском плане)*. In: *Rossica Olomucensia XLVI-II (za rok 2007)*. Olomouc, 189–194.
- GREGOR, J. (2008(d)): *Konverzivní vztahy v oblasti ruských ustálených verbonominálních spojení ve srovnání s češtinou*. In: *Slavistika dnes: vlivy a kontexty. Konference mladých slavistů II. Červený Kostelec / Praha 2008*, 121–142.
- HERRLITZ, W. (1973): *Funktionsverbgefüge vom Typ „in Erfahrung bringen“*. Tübingen. 165 s.
- HERRMANN-DRESEL, E. (1987): *Die Funktionsverbgefüge des Russischen und des Tschechischen*. Frankfurt a. M. 249 s.
- HRBÁČKOVÁ, Ž. (1979): *Ustálená analytická slovní spojení verbonominální v aspektu lingvodidaktickém*. Kandidátská disertační práce, FF UK. Praha. 207 s.
- CHOVANCOVÁ, B. (1982/83): *Ruské slovesně jmenné vazby a jejich české ekvivalenty v publicistickém stylu*. *RJ 33*, č. 5, 220–227.
- JAROŠOVÁ, A. (2000): *Viacslovný termín a lexikalizované spojenie*. In: *Človek a jeho jazyk I*. Bratislava, 481–493.
- JEDLIČKA, A. (1969): *Univerbizace a multiverbizace v pojmenovacích strukturách*. In: *SlavPrag 11*. Praha, 93–101.
- JĘDRZEJKO, E. – LOEWE, I. – ŻMIGRODZKI, P. (1998): *Słownik polskich zwrotów werbo-nominalnych*. Zeszyt próbny. Warszawa. 151 s.
- JELÍNEK, M. (2000): *O potřebě verbo-nominálních spojení v intelektualizovaných textech vůbec a odborných zvlášť*. In: *Termina 2000*. Liberec, 204–211.
- KAČALA, J. (1987): *VII. Typy dokladových spojení*. In: *KSSJ*. Bratislava, 25–26.

- KAČALA, J. (1989): *Sloveso a sémantická štruktúra vety*. Bratislava. 249 s.
- KAČALA, J. (1997): *Lexikalizované spojenia a frazeologické jednotky*. In: *Frazeologické štúdie II*. Bratislava, 95–102.
- KRALČÁK, L. (2005): *Analytické verbo-nominálne spojenia v slovenčine. Synchronno-diachrónny pohľad*. Nitra. 204 s.
- KUBÍK, M. (1977): *Modely dvojčlenných vät slovesných v konfrontačnom pláne rusko-českom*. ADD. Praha. 51 s.
- KUBÍK, M. et al. (1983): *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha. 282 s.
- KUČEROVÁ, E. (1976): *Slovesno-menné slovné spojenia so slovesným komponentom «делать»*. SS 11, č. 3, 253–259.
- MACHÁČKOVÁ, E. (1979): *Analytické konstrukce typu sloveso + abstraktní substantivum (Analytické vyjadřování predikátů)*. Kandidátská disertační práce, ÚJČ ČSAV. Praha. 268 s.
- MACHÁČKOVÁ, E. (1994): *Constructions with Verbs and Abstract Nouns in Czech (Analytic Predicates)*. In: *The Syntax of Sentence and Text: A Festschrift for František Daneš*. Amsterdam/Philadelphia, 365–374.
- MAN, O. (1972): *Struktury víceslovných (komplexních) pojmenování v ruštině*. In: *Sborník statí o jazyce a překládání*. Praha, 122–140.
- MIETLA, J. (1998): *Multiverbizacija w języku czeskim i polskim*. Toruń. 144 s.
- NOVOTNÝ, J. (1980): *Valence dějových substantiv v češtině*. In: *Sborník pedagogické fakulty v Ústí nad Labem, řada bohemistická*. Praha, 5–131.
- NOVOTNÝ, J. (1994): *Nástin syntaktického popisu češtiny (na základě valenční teorie)*. Ústí n. L. 180 s.
- ORAVEC, J. (1967): *Vázba slovíe v slovenčine*. Bratislava. 389 s.
- RUDINCOVÁ, B. (2001): *Typy pojmenování v současné ruštině (zejména v podnikatelské oblasti)*. Ostrava. 210 s.
- SCHMIDT, V. (1968): *Die Streckformen des deutschen Verbums. Substantivisch-verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967*. Halle (Saale). 144 s.
- VÁGNEROVÁ, M. (2003): *Strukturně-sémantická organizace ruských vět s dějovými predikáty (na materiálu dvojčlenných vět slovesných)*. Doktorská disertační práce, Katedra slavistiky FF UP. Olomouc. 187 s.
- VLKOVÁ, V. (1987): *Dynamika lexikální zásoby odborného projevu*. Kandidátská disertační práce, ÚJČ ČSAV. Praha. 286 s.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno. 122 s.

JIŘÍ KOROSTENSKI

Česká republika, České Budějovice

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСИИ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ КОНЦЕПТА ‚КОНТЕЙНЕРА-ЕМКОСТИ‘ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В ЧАСТИЧНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ)

ABSTRACT:

Based upon compared language material, we can confirm that **visual perception** is essential in perceptual processes typical of our cultural surroundings. The material showed us that the limitation of connectivity of adjectives of space with nouns must be regarded with anthropogenic factors such as **functional aspect** (*толстые трубы* x *широкие трубы*), **canonical orientation of objects and position of the observer** (*высокие колонны* x *глубокие морщины, впереди, взади*), **structure of the material of objects** (*мешок* x *коробка*), **“immeasurability”** (*тайга* x *бактерия*), **continuity of range** (*нож, тесак, меч*), **observability** (*он воевал как Наполеон, он смотрел/глядел Наполеоном*), **separability x inseparability of a whole** (*кромка доски* x *ключ от замка*) **and normative effects of every single object** (*высокое* x *маленькое дерево*) or **a group** of objects and these are the most important effects and circumstances.

KEY WORDS:

Conceptualization frame “container-receptacle” – anthropocentrism – visual perception – compared language material.

АБСТРАКТ:

На основе сопоставляемого языкового материала можно подтвердить, что приоритетное положение в процессах перцепции закреплено в нашей культуре несомненно за визуальной перцепцией. Из представленного материала очевидно, что именно ограничение сочетаемости параметрических прилагательных необходимо рассматривать с учетом таких антропогенных факторов, как ‚функциональный аспект‘ (*толстые трубы* x *широкие трубы*), ‚каноническая ориентация объекта‘ и ‚положение наблюдателя‘ (*высокие колонны* x *глубокие морщины, впереди, взади*), ‚структура материала предметных объектов‘ (*мешок* x *коробка*), ‚неизмеримость‘ (*тайга* x *бактерия*), ‚непрерывность ряда‘ (*нож, тесак, меч*), ‚наблюдаемость‘ (*он воевал как Наполеон, он смотрел / глядел Наполеоном*), ‚отделимость‘ x ‚неотделимость‘ (*кромка доски* x *ключ от замка*) и ‚нормативные влияния‘ каждого объекта или группы объектов, что определяет только самые основные влияния и обстоятельства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Концептуальная схема «контейнера-емкости» – антропоцентризм – визуальная перцепция – материал для сравнения.

1 Определение предмета и цели реабилитационной работы

Главной целью нашей монографии было обосновать на конкретном материале русского языка существование прототипического ядра категории «емкость» в русском языке, которое, по нашему мнению, оказывает влияние на представления о концептуальной схеме «контейнера-емкости» в связанных с ней языковых рефлексиях, включая вопросы метафоризации на основе когнитивной лингвистики. Теоретически мы исходили из работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff – Johnson 2002], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1985], Е. С. Кубряковой [1999], Д. Н. Арутюновой [1998], И. Ваньковой [Vaňková 2007] и других. Однако конструкт нашей гипотезы оригинален, так как до сих пор не имеет аналогов в когнитивной теории и практике.

Классификация языкового материала и экспликации базировались на дедуктивно-индуктивных методах в сочетании с применением ассоциативного эксперимента, причем собственный выбор материала основывался на публицистическом словарном составе **не только классической прессы**, но также ее **электронной версии**. В качестве коррективов использовались различные словари, полный перечень которых приводится в списке литературы в конце работы.

Условия возникновения новой парадигмы в науке тесно связаны с восприятием рефлексии человека самого себя на фоне процесса познания вообще. На основе указанной точки зрения определилась сфера дисциплин, в рамках которых стало развиваться новое научное познание мира. В мировых масштабах это касалось психологических, философских аспектов, а также новых технологий в сфере вычислительной техники. Данное направление связано с такими именами как Т. Кун [1975], Э. Рош [Rosch 1977], Н. Хомски [Chomsky 1993].

Когнитивное направление в нашей лингвистике связано с богатыми традициями отечественного функционального структурализма. Й. Корженски [Kořenský 1989], Е. Беличова-Кржижкова [Běličová-Křížková 1976, 1978], П. Сгалл [Sgall 1967], С. Жажа [Žaža 1988, 1999], Е. Флидрова [Flídrová 2005] и др. воплощают его идеи, основываясь на зарубежных работах, напр., из США: Дж. Лакофф, М. Джонсон [Lakoff – Johnson 2002], Н. Хомски [Chomsky 1993], из ГДР: М. Бирвиш [Bierwisch 1967], Э. Ланг [Lang 1987], и особенно из Польши: Р. Токарски [Tokarski 2007], Р. Грегорчикова [Grzegorzczukowa – Waszakowa 2000] и России: Е. С. Кубрякова [1999], Е. В. Рахилина [2000], Н.Ф. Алефиренко [2006, 2008]. Наша когнитивистическая лингвистика сосредоточивается не только на прикладном изучении частных фрагментов языковой картины мира, какими является функционирование цветов или характеристика размера в ее сфере, но стремится также на их основе к формулировке собственных теоретических постулатов в работах И. Ваньковой, И. Небеской, Л. Сайцовой Ржималовой и Я. Шледровой [Vaňková – Nebeská – Saicová-Římalová – Šlédrová 2005]. Если определить отношение нового когнитивистического направления к предыдущему структурализму, то их взаимосвязь можно характеризовать с помощью понятия «вдохновляющего симбиоза».

Антропоцентризм как один из основных постулатов когнитивного подхода является не только общей прокламацией, он начинает влиять на все остальные схемы изучения языковых явлений. С определенной натяжкой можно сказать, что антропоцентризм можно считать одним из самых **общих принципов**, с помощью которого объединены все остальные схемы, как ‚ориентационные‘, ‚локационные‘ и те, которые связаны не только с понятием ‚плоскости‘ (*dlouhý x krátký, za úgлом, sзади, поблизости*), но и структурированы на фоне понятия ‚вертикальности-горизонтальности‘ пространства (‚наверху‘ → *на вершине*, ‚внизу‘ → *на более низких этажах, глубокий x высокий*), не только в самом концепте ‚контейнера-емкости‘, но и в других схемах.

Усиление антропоцентрического понимания непосредственно влияет и на способ квантификации семантики в русле контраста фона и фигуры. Все указанные аспекты проецируются призмой психики в языковую картину мира.

2 Основные выводы исследования

2.1 Типология метафоры

Метафора образует один из основных строительных элементов когнитивного понимания языка. Принципы ее построения и квантификации, когда категоризация метафор на языковые и художественные отражала прежде всего аспект языковой, отличаются по сравнению с традиционным пониманием в частности языковыми аспектами, в то время как при когнитивном понимании метафоры приобретает ее возникновение характер способа и формы мышления, в конце мысленной цепи которого находится выражение в виде языковых рефлексий.

Самой яркой попыткой изложения начальных этапов возникновения метафоры мы считаем взгляды Н.Д. Арутюновой [1998], согласно которым создание метафоры опирается на две основные синтаксические функции предложения. Взаимообуславливание функции «**идентификации предмета речи**» в теме функцией «**предикации**» в реме имеет ключевое значение с точки зрения реализации языковой метафоры именно потому, что существование двух основных семантических категорий слов – классификационных и семантических предикатов – вполне однозначно «регулирует» метафизику языкового выражения.

Подобную точку зрения отстаивает и В. Хрз [Chrз 1996], представляющий психологическое направление в понимании метафоры. В своей работе он различает несколько этапов возникновения метафоры, причем основным он считает процесс взаимодействия **темы** и «**носителя**», когда на основе их контакта возникает новое значение.

Г.Н. Складаревская [1990: 47 п.] склоняется к денотативному пониманию метафоры, предполагая активное взаимодействие семантических черт, которые в разной степени принимают участие в метафорических переносах в роли «символа метафоры» как элемента «трансформации» языковой метафоры.

Когнитивный подход к изложению метафоры подчеркивает не только антропоцентрическое понимание процессов мышления в форме **концептуализации** форм ментальной структуры как базы для создания **когнитивной метафоры**, но одновременно признает и функции коннотативных черт как важной части заново вновь образовавшихся метафор. Тем не менее, даже теория когнитивной метафоры до сих пор не в состоянии дать хотя бы более-менее точный прогноз ее языковой рефлексии. Дело не только в конкуренции отдельных **концептов**, но и в возможности актуализации ряда вариантов в рамках определенного концепта.

2.2 Концепт ,контейнера-емкости' и категория ядра ,емкости'

Человеческая психика всегда формировалась под влиянием территориального фактора, что существенно влияло на смысл человеческого существования. Тем не менее, понятие концепта ,контейнера-емкости' является очень абстрактным понятием, которое в роли составной части ментальной структуры человека включает ряд частных аспектов, отражающих прежде всего противостояние ,статической' и ,динамической' основы человеческого существования и другие факторы человеческого бытия.

Суть возникновения самого концепта ,контейнера-емкости' базируется на конкретном физическом опыте человека, как установили в своем классическом произведении «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон. Тем не менее, первичным импульсом для достижения такой высокой степени абстракции, какой несомненно является осознание отношения «**внутри** х **снаружи**», мы считаем понимание непосредственного окружения человека, а не оппозиции «**человеческого тела**» х «**окружение**», так как эти отношения непосредственно не связаны с **визуальной перцепцией**. Мы считаем ее решающим «**информационным каналом**» для создания концепта, в рамках которого человеческое тело следует считать **функциональной (трансмиссионной) моделью**, способствующей концептуализации абстрактных понятий, недоступных смысловому мышлению человека, на основе конкретно воспринимаемого опыта.

Попытки комплексного определения концепта ,контейнера-емкости' до сих пор не увенчались успехом. Даже основоположники данного понятия в науке Дж. Лакофф и М. Джонсон не пытались описывать данный концепт эксплицитно. Е.С. Кубрякова [1999] подчеркивает именно его расчлененный и динамический характер. Прикрепленность к ментальной организации человеческого мышления одновременно указывает также на «прототипические» емкости.

С большой долей вероятности можно предполагать, что **концепт** является в большой степени автономным образованием, включающим частные единицы разного порядка. Т.е. на оперативном уровне существует своего рода актуальная «схема назначения», осуществляющая «отбор» самих концептов, и те выступают не только **готовыми схемами**, включающими коллективный опыт по отношению к «простейшим» объектам нашего непосредственного окружения, но и мнимые представления, наполненные индивидуальными предположениями, знаниями и опытом.

2.3 Ядро категории ‚емкость‘ как основа концепта ‚контейнера-емкости‘ – эксперимент

Цель указанной главы – установить, сложилось ли у носителей языка понятие категории ‚емкость‘, образующее прототипическую основу концепта ‚контейнера-емкости‘. Основой для нашего анализа стал ассоциативный эксперимент, в рамках которого использовался корпус 123 имен существительных, в большей или меньшей мере образующих суть данного понятия. В задании эксперимента намеренно не приводились инструкции, как подходить к классификации. Анализируя результаты, мы должны были учитывать специфику способов выражения данного концепта отдельных участников эксперимента, которыми были носители русского языка с незаконченным высшим образованием.

На основе результатов теста было установлено, что определенная группа существительных, обозначающая предметные объекты разного происхождения с якобы отличающимся назначением (в общем понимании, напр., кухонная *посуда*, *естественные* и *искусственные водоемы*, а также, напр., определенные *образования земной поверхности*), объединяются в представлениях людей общей функцией. Несмотря на отличительные характеристики «емкостей» в плане их *формы* (круглые, квадратные, с четкими стенами и дном, бесформенные) и *назначения* (посуда для приготовления и хранения блюд, водоемы для хранения воды и др.), они объединены в сознании человека общим понятием категории «емкости». В пользу данного утверждения свидетельствуют результаты проведенного нами ассоциативного теста.

Более прототипичны такие объекты как *банка, бидон, блюдо, блюдце, бокал, бочка, бутылка, ваза, горшок, графин, ковш*, но к ним можно присоединить и другие объекты, напр.: *овраг, ущелье, яма, впадина, вулкан*. Налицо факт, что прототипичность знаков объектов, приводимых нами ниже, включает не только *функциональные* аспекты (напр., возможность ‚наливания‘, ‚выливания‘, ‚спускания‘ или ‚хранения жидкостей‘), но и существенные признаки *формального* характера (‚дно‘, ‚стена‘, ‚входное отверстие‘) и *ориентационные* признаки (вертикально-горизонтальная ориентация). Данные объекты с указанными прототипическими знаками создают основу для образования самого *концепта* ‚контейнера-емкости‘.

2.4 Динамические и статические аспекты ядра категории ‚емкость‘

О языке можно утверждать, что он является «подставленным» зеркалом, в котором отражается человеческое мышление. Это верно и в случае *языковых рефлексий* концепта ‚контейнера-емкости‘, находящихся выражение в самых разных языковых рефлексиях, которые могут скрываться не только в *словообразовательных суффиксах* имен, но и в *предлогах*, разных *адвербиальных выражениях* и *адъективных лексемах*.

Не обращая внимания на динамические аспекты движения объектов ‚контейнера‘ и учитывая положение (позицию) ‚наблюдателя‘, можно сказать, что

степень абстракции понятий концепта ‚контейнера-емкости‘ непосредственно влияет на формальную концептуализацию некоторых частей объектов, входящих в понятийную сферу концепта ‚контейнера-емкости‘. Мы имеем в виду взаимообусловленное восприятие двух концептов, т.е. ‚плоскости‘ и ‚пространства‘. Именно в случае объектов со сложной формальной конфигурацией типа *завод* или *улица* происходит взаимообуславливание двух аспектов картины мира – пространственного и плоскостного: *на улице x в улице, на заводе x в завод (инвестировать)*, учитывая активизацию других функциональных аспектов.

2.5 К вопросам сочетаемости русских параметрических прилагательных с существительными ядра категории ‚емкость‘

В данной главе мы обращаем внимание на анализ сочетаемости прилагательных с существительными, первично обозначающих физические объекты. Наряду с этим мы специально обратились к оценочности их метафорических значений, так как именно данная языковая рефлексия является языковым воплощением концепта ‚контейнера-емкости‘. Хотя параметрические прилагательные типа *высокий* x *глубокий*, *длинный* x *короткий* и другие выступают в качестве концептуальных **квантификаторов** ‚контейнера-емкости‘, тем не менее, в сфере предметных объектов типа ‚емкость‘ и ‚ядро‘ категории ‚емкость‘ с ними связаны лишь косвенно. И здесь действуют антропоцентрические критерии, такие как ‚каноническая ориентация‘ объекта, ‚положение (позиция) наблюдателя‘ по отношению к ‚объектам контейнера‘, ‚постоянная закрепленность в пространстве‘ (напр., в словосочетании *высокая ветка*, но не *высокое яблоко).

Мы склонны считать, что итоговая квантификация результатов сочетаемости, влияющая на сочетаемость прилагательных с существительными, обозначающими предметные объекты в исследуемом сегменте концептуальных отношений является вспомогательным критерием для установления ядра **категории** ‚емкости‘ в рамках концепта ‚контейнера-емкости‘. По мере увеличения сочетаемостной потенции существительных с прилагательными в языковом выражении указанные лексемы приближаются к центру исследуемого явления. **Ограничение сочетаемости** в данном интервале языковых выражений является в большой степени отражением сложных отношений **языковой картины мира**.

2.6 Итоговые квантитативные показатели сочетаемости

В указанной главе предпринята попытка путем **анализа сочетаемости** имен существительных, обозначающих предметные объекты с параметрическими прилагательными, дать вспомогательную характеристику при определении понятийно-семантической структуры **прототипического ядра** категории ‚емкости‘ в рамках **концепта** ‚контейнера-емкости‘. На **линии пересечения** первого ассоциативного теста с результатами анализа сочетаемости сложилась группа из 12 русских существительных (*блюдо, бокал, ваза, горшок, стакан, сковорода, овраг, ущелье, яма, впадина, шахта, источник*). Данную

группу можно с типовой точки зрения назвать гипотетическим ядром, на основе которого, при определенных условиях, в русском языке складывается понятийное оформление концепта ‚контейнера-емкости‘.

Мы затрагиваем только вопрос **типového определения** прототипических членов указанной группы слов, так как возможность «замены» с типовой точки зрения синонимичными членами довольно часта. Нам кажется, что указанная группа существительных с типовой точки зрения лучше всего соответствует понятию ‚прототипическая емкость‘ и функционирует в качестве «трамплина» для создания концепта ‚контейнера-емкости‘. Причем формообразующие характеристики – ‚стены‘, ‚дно‘, ‚входное отверстие‘ и т.д. – являются отправной точкой, а **функциональная способность коммуникации** с окружением создает предпосылки для построения понятийной структуры концепта ‚контейнера-емкости‘.

2.7 Антропоцентризм и вопросы концептуализации ‚контейнера-емкости‘

Спектр проявлений антропоцентризма в языковой рефлексии необычайно широк, поэтому для русско-чешского сопоставления мы выбрали только один частный сегмент. Анализируемый нами материал касается сферы человеческой перцепции в её лингвокогнитивном осмыслении. На начальном этапе процесса восприятия человеком окружающего мира очень важен механизм перцепции восприятий. Следует предполагать, что указанная область не только получит в языковых рефлексиях свое место, но и будет даже богато представлена, что в межъязыковом сравнении можно проиллюстрировать обилием интересного материала для сопоставления языковой картины мира обоих языков. Данная точка зрения подтверждается и многочисленными статьями, подчеркивающими указанную сферу восприятия [Алефиренко 2006, Vaňková 2007].

На основе сопоставляемого языкового материала можно подтвердить, что приоритетное положение в процессах перцепции закреплено в нашей культуре несомненно за **визуальной перцепцией**. Тем не менее, дело не касается столь изолированных друг от друга «входов». В ряде случаев происходит взаимопроникновение с перцепцией **слуховой, тактильной, вкусовой и обонятельной**. В области источников восприятия сфера визуальной перцепции составляет существенную часть не только с точки зрения самого выражения, но и создает в языковой рефлексии самые разнообразные фразеологизированные словосочетания. Значение органа зрения в **русской** языковой картине мира, помимо прочего, подчеркивается языковой рефлексией его **составных частей** (*краешком глаза, глаз, зеница ока, око*) и, как уже было сказано выше, также многочисленными фразеологическими оборотами: *беречь как зеницу ока, ради чьих-л. прекрасных глаз* и т.д.

Хотя в пространстве человеческого восприятия можно найти относительно широкую палитру источников, целевые значения уже менее разнообразны. Источниками концептуализации могут стать не только собственные органы восприятия – глаза, уши, нос и т.п., но и наименования самих процессов вос-

приятия и многие другие характеристики, причем в итоге многие сводятся к одному общему значению. Например, многие фраземы со словами *глаза, уши, смотреть, глухой* и др. сводятся к одному значению. Этих значений намного меньше, чем источников, вступающих в концептуализацию, что можно, кроме указанного, считать результатом воздействия **схем концептуализации**. Схемы концептуализации являются, по нашему мнению, причиной сокращения числа понятийных «единиц», вступающих в концептуализацию. Мы считаем, что процесс самого «изменения» на пути от «источника» к «выходу» происходит в **трех основных узлах**. Главной является область **источника и цели**, хотя вся динамика процесса перемен развивается на фоне **определенной схемы концептуализации**. Схема концептуализации **контейнерности** часто передает активные процессы сферы «значения», «эмоций», «качества», «отношений» и т.д.

3 Перспективы исследования процессов концептуализации в языке

Антропоцентризм отражается на многих уровнях языковой рефлексии. К важным типам его выражения в языке следует отнести в основном широкую область сочетаемости лексем. В нашем исследовании мы уделяли внимание прежде всего сочетаемости прилагательных размера с существительными в атрибутивной позиции. В связи с данной сочетаемостью можно отметить ярко выраженные примеры антропоцентризма.

Тем не менее формулировка единых правил для данного типа сочетаемости не только в рамках всего языка, но и в рамках разных субсистем, конкретно в антонимических парах, которые в русском языке часто приобретают форму цепи, состоящей из трех слов типа *большой x небольшой x маленький*, затруднительна. Такое положение дел часто зависит от языковых факторов. Синонимичные языковые конструкции по отношению к доминанте обязаны во многом условиям концептуализации, отображающим в языковой картине соответствующий культурный тип.

Значимость сочетаемости связана с именем прилагательным. Семантика последнего определяет наиболее широкую сферу его сочетаемости с существительным. Но эти общие рамки в конкретных рамках языкового функционирования имеют ряд ограничений. Здесь сказывается прежде всего влияние нормы, предопределяющей выбор и сочетаемость существительных с прилагательными. Тем не менее, даже норма для выбора соответствующего существительного, сочетающегося с конкретным вертикальным размером базируется не только на одном исходном ориентире, которым в случае предметных объектов и объектов твердой консистенции с вертикальной ориентацией является рост человека (последний, как правило, предопределяет дистрибуцию между прилагательными *высокий* а *низкий*), но также среди предметных объектов можно выделить группу емкостей, реальные размеры которых не достигают роста взрослого человека. Их мы тоже обозначим прилагательными *высокий* x *невысокий*, а решающим для них фактором является преобладание их функционального положения: **держание** на руках, **стояние** на столе и т.п.

Очень важный фактор – это **направленность** объекта. Если в общественно-культурном сознании создается понятие вертикальной ориентации с ее последующей проекцией на языковую картину мира, то отбор из данной сферы прилагательных значительно сужается. Подобным способом происходит процесс ограничения горизонтальной ориентации. Так при определенных условиях предопределяется применение прилагательных *высокий* x *глубокий*, *длинный* x *короткий*, *широкий* x *узкий*.

Следующим фактором, существенно влияющим на сочетаемость прилагательных с существительными, является внутренняя **структура** (вещественный состав) предмета. Предметы с «мягкой» и продолговатой структурой нельзя никогда сочетать с прилагательным *высокий*, несмотря на то, что они обладают вертикальной канонической ориентацией, ср.: *длинная веревочная лестница* – *dlouhý provazový žebřík*. Соответственное явление наблюдаем и в тех случаях, когда предметный объект обладает формальными чертами емкости, напр., *мешок* – *pytel*. В данном случае также исключено образование словосочетания с *глубокий* / *hluboký*. Тем не менее, словосочетание *hluboká kapsa* – *глубокий карман* вполне применимо. *Карман* в данном случае рассматриваем как часть целого. Поэтому «самостоятельность» или «связанность» употребления данных объектов влияет на их сочетаемость.

Среди других условий, оказывающих влияние на сочетаемость, важным является отношение предметного объекта к своему окружению. Если данный объект своей сущностью понимается, как «**неизмеряемый**», или невообразимо **огромный**, или непредставимо **маленький**, напр.: *тайга*, *море*, *степь*, *бактерия*, *жучок*, то наблюдаем довольно заметные ограничения сочетаемости с прилагательными размера: *большой* x *маленький*. Некоторые предметы (объекты) могут состоять в замкнутых рядах определенных инструментов, объектов, связанных общей функцией, напр., «инструменты для резьбы», «сосуды для приготовления блюд» и т.д. В установленных рамках увеличение или уменьшение размера способствует утрате идентичности данного объекта, и новые размеры структурируют качественно другой предмет. С этим связано ограничение сочетаемости определенных прилагательных с такими существительными. **Функциональный** аспект размеров есть важен при ограничении сочетаемости прилагательных с указанными существительными, хотя он может реально существовать и быть измеряемым. Указанный аспект может в «реальной» жизни существительного изменяться в соответствии с актуальным значением данного размера. Например, словосочетание *толстые трубы* x *широкие трубы* применяем согласно обстоятельствам: или подчеркиваем их внутренний размер, или делаем упор на значение внешнего размера.

По отношению к возможностям метафорических переносов прилагательные размера занимают свою нишу в общей системе метафоризации. В общем смысле они образуют базовые концептуальные метафоры типа «наверху хороший и удачный», «внизу плохой и неудачный», но это лишь часть их потенциала метафоризации. Именно прилагательное *глубокий* может развивать метафорические концепты, которые образуют оппозиции по отношению к первому

концепту. Если целью являются положительные эмоции или знания, то можем говорить о концепте «глубокий значительный» → *глубокие чувства, глубокие знания, глубокая ненависть, глубокая вражда* и «глубокий качественный». С понятийной точки зрения «глубокий» скрыто от прямого наблюдения, из чего выводится оценка, что последнее «качественно». Подобным образом может осуществляться целевая концептуализация «оценки производственного процесса» → *глубокая переработка – důkladné zpracování*. Данное прилагательное может быть связано также с другими группами существительных и развивать другие конкурирующие концепты. Интересна связь с фактором времени. Время понимается как очень абстрактная величина, которая в европейском контексте перенесла относительно глубокие изменения: первоначально носила ярко индивидуальный характер, а позже приняла характер сдвоенной отвлеченной структуры с возможностями многократной концептуализации не только в форме пространственного понимания, но и с другими схемами концептуализации типа «время это деньги» [Lakoff – Johnson 2002; Korostenski 2006: 149]. Концепт «глубокий это поздний», соответствует таким образом динамической модели, в которой время как сущность передвигается в пространстве: *глубокая ночь, глубокая осень, глубокая зима, глубокая старость*.

Достигнутые результаты можно обобщить в нескольких выводах:

1) На основе результатов ассоциативных тестов и последующих приемов сопоставительного и мерееологического анализа мы определили и проверили понятие прототипического ядра категории **«контейнера-емкости»** в качестве опытного базиса для концептуализации контейнера.

2) Мы искали также ответ на вопрос, как прототипическое ядро влияет на **механизмы концептуализации**. Прототипическое ядро включает разнообразные предметные объекты, не вступающие друг с другом в отношения на основе подобия или конкретной функциональной связи, напр.: кухонная посуда, предназначенная для «специального приготовления блюд» (напр.: сковорода служит для «жарения и печения», **кастрюля** для «кипячения»), **озеро** как географическое образование земной поверхности («резервуар хранения воды») и **тайга**, как «набор растительных и животных общностей», отличаются друг от друга по функции и форме. Тем не менее, данные предметные объекты, за исключением нескольких членов, обладают определенными общими **функциональными чертами**. Такой общей чертой данных объектов является способность выступать в единой функции с точки зрения статики и динамики. Все исследуемые объекты, за исключением тех, которые были уже на первом этапе психолингвистического анализа выделены из основной группы, обладают способностью хранить в своей структуре и выделять из нее указанные черты в широком наборе самых разнообразных комплексов благодаря восприятию данных объектов сквозь призму закономерностей языковой картины мира. В указанном наиболее общем понимании мы говорим о **понятии концепта**, в данном случае о концепте **«контейнер-емкости»**.

3) Тенденция к динамической или статической рефлексии не носит во всех отдельно взятых случаях 123 анализированных предметных объектах одина-

ковый характер и находит отражение в языке. Независимо от того, касается ли дело одной лишь локализации объекта ‚внутри‘, ‚вне‘ ‚контейнера‘ или ‚динамического движения объектов емкости‘ из одного пространства в другое, всегда предполагаем размеры конкретного **пространства** с реально установленной границей (дно, стены, функциональное отверстие и т.д.) и всем набором **параметрических** характеристик (мереологических и размера – угол, кромка, высота, глубина, ширина). Можно говорить о реально существующем пространстве. Понятие концепта ‚контейнера-емкости‘ базируется в этих размерах на реальном и долговременном опыте с ними человека посредством человеческого мышления. Способность к абстракции от конкретных актов опыта, какими несомненно являются опыт наливания / выливания / насыпания / высыпания конкретных жидкостей / сыпучих материалов, но и вынимание предметов из емкостей / бункеров / ныряние / работа под водой / езда по водной глади, становится исходным базисом метафорической концептуализации. Этот конкретный физический опыт служит «трамплином» для оценки других действий в любом пространстве и среде, так как даже такой отдельный физический опыт можно оценивать сквозь призму схемы ‚контейнера-емкости‘.

4) Человеческое мышление не ограничено только ‚движением‘ в физическом пространстве. Оно выступает основой для перемещения в другие пространственные размеры абстрактного характера. Такое изменение обладает помимо новых функциональных характеристик другой языковой рефлексией. С точки зрения языковых средств, которые являются составной частью анализа, квази-пространства, или пространства другой сущности могут отображать только относительную оценку расстояния, что выражается на уровне языка прилагательными *дальний*, *близкий*, *отдаленный* и абстрактной локализацией в рамках или мимо рамки ‚контейнера-емкости‘. Установление конкретной границы между физическим и абстрактным пространством являлось также предметом работы.

5) Предположение, что в сознании носителей русского языка заложена картина единого концепта, связанного с определенным конкретным словом, формирующим и определяющим способ его языкового выражения, ошибочна. В условиях реального общения происходит конкуренция отдельных концептов на фоне тождественных лексемных типов. Таким образом, концептуализация понятий ‚верхушка‘ *дерева* и ‚верхушка‘ *горы* происходит по-другому.

6) «Путь» от прототипического ядра категории ‚емкости‘, как мы уже указали в нашей работе, в виде 12 из 123 исследуемых существительных с целью концептуализации самого ‚контейнера‘ выходит в несколько направлений и включает также проблематику изменения ‚функционального задания‘, ср., напр., ‚нарушение‘ основной рамки ориентации, ср.: *глубокий лес*, *степь*, *пустыня* и т.п. Этим сделан первый шаг для изменения физической характеристики реального (ощутимого) пространства в «имагинарное», причем без возможности уточнить новое пространство хоть каким образом. Именно здесь находим искомый имагинарный мостик к метафорической концептуализации, передвигаясь по которому, мы попадем в сферу метафорической концептуализации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- BARTMIŃSKI, J. – TOKARSKI, R. (1993): *Definicja semantyczna: czego i dla kogo?* In: O definicjach i definiowaniu. Lublin, 48–61.
- BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. (1976): *Kategorie osoby a systému diateze v slovanských jazycích*. Slavia 45, č. 4, 337–355.
- BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. (1978): *K systému prostorových vztahů vztahů v současných slovanských jazycích*. Slavia, 47, č.2, 122–144.
- BIERWISCH, M. (1967): *Some Semantic Universals of Adjectivals*. Foundations of Language, 3, 1–36.
- BIERWISCH, M. (1975): *Třídění sémantických rysů*. In: Studie z transformační gramatiky, 1. Nové perspektivy syntaxe a sémantiky. Praha, 105–133.
- BIERWISCH, M. (1987): *Dimensionsadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens*. In: Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. Studia grammatica XXVI–XXVII. Berlin, 1–28.
- DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. et al. (1987): *Větné vzorce v češtině*. Praha. 270 s.
- FILÍPEČ, J. (1978): *Spojitelnost lexikálních jednotek v konfrontačním pohledu*. In: Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů (Záhřeb 1978). Praha, 131–140.
- FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc. 163 S.
- GREGOR, J. (2008): *Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou)*. České Budějovice. 304 s.
- GRZEGORCZYKOWA, R. – WASZAKOWA, K. (2000): *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne*. Część I. Warszawa. 344 s. ISBN 83-235-0121-1
- GUREVIČ, A. J. (1978): *Kategorie středověké kultury*. Praha. 286 s.
- HIRSCHOVÁ, M. (2006): *Pragmatika v češtině*. Olomouc. 243 s. ISBN 80-244-1283-7.
- CHLUPÁČOVÁ, K. (1977): *Systémové vztahy v ruské lexice a možnosti konfrontačního studia. Příspěvek k sémantice ruských adjektiv*. In: BŮRIL, XXI, 5–20.
- CHLUPÁČOVÁ, K. (1979): *K otázkám metaforizace a metonymizace substantiv v ruštině*. In: BŮRIL, XXII, 23–35.
- CHOMSKY, N. (1969): *Aspect of the Theory of Syntax*. Cambridge, The M. I. T. Pr. 10. 251 s.
- CHRZ, V. (1996a): *Psychologie metafor I: Metafora z hlediska psychologie nevědomí, neobehaviorismu a neogestaltismu*. Československá psychologie /ročník XXXIX/ č. 2, 103–113.
- CHRZ, V. (1996b): *Psychologie metafor II: Metafora z hlediska kognitivní psychologie*. Československá psychologie /ročník XXXX/ č. 3, 217–227.
- KOMÁREK, M. (1999): *Komunikace versus systém?* SaS, č. 3, 187–194.
- KOPEČNÝ, F. (1962): *Slovesný vid v češtině*. Rozpravy ČSAV, 72, Praha. 145 s.
- KOROSTENSKI, J. (1989): *K některým aspektům spojitelnosti adjektiv se substantivy /srovnávací plán česko-ruský/*. České Budějovice. 160 s.
- KOROSTENSKI, J. (2006): *Obrat v jazykovědě*. Auspicia, III, č. 1, 46–51.
- KOŘENSKÝ, J. (1989): *Teorie přirozeného jazyka. Interdisciplinarita, aplikace, programy*. Praha. 109 S.
- LAKOFF, G. – JOHNSON, M. (2002): *Metafory, kterými žijeme*. Brno. 282 s.
- LANG, E. (1987): *Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte*. In: Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, Studia grammatica XXVI + XXVII. Berlin. 1987, 287–516.
- LINDE-USIENKIEWICZ, J. (2000): *Określenia wymiarów w języku polskim*. Warszawa. 267 s. ISBN 83-87608-91-2
- MACHOVÁ, S. – ŠVEHLOVÁ, M. (2001): *Sémantika a pragmatická lingvistika*. Praha. 159 s. ISBN 80-7290-061-7
- NĚMEC, I. (1969): *O lexikálním záporu v češtině*. SaS, 30, 337–346.
- NĚMEC, I. (1980): *Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Praha. 191 s.
- NĚMEC, I. (1994): *K metonymické souvislosti názvů hráze a vodní nádrže*. Slavia 63, 415–417.
- PAJDZIŃSKÁ, A. (2007): *Kategorie strukturující jazykový obraz světa: antropocentrismus a opozice „vlastní“ – „cizí“*. In: Čítanka textů z kognitivní lingvistiky II. Praha, 27–44. ISBN 978-80-7308-212-3
- PATOČKA, J. (1995): *Tělo, společenství, jazyk, svět*. Praha. 203 s. ISBN 80-85241-90-0.
- PATOČKA, J. (2002): *Péče o duši: soubor statí a přednášek o postavení člověka ve světě a v dějinách*. II- I, Kaciřské eseje o filosofii dějin. Praha. 842 s. ISBN 80-7298-054-8.
- PEREGRIN, J. (2003): *Úvod do teoretické sémantiky. Principy formálního modelování významu*. 2. aktualizované vydání. UK Praha. 193 s. ISBN 80-246-06354
- ROSCH, E. (1977): *Human categorization* // N. Warren (ed.), Studies in cross-cultural psychology, Academic press, vol. 1, N.Y., 1–49.

- SGALL, P. (1964): *Cesty moderní jazykovědy*. Praha. 193 s.
- SGALL, P. (1967): *Generativní popis jazyka a česká deklinace*. Praha. 238 s.
- TALMY, L. (1983): *How language structures space*. In: *Spatial Orientation: Theory, Research and Application*. Stanford, 225–282.
- TOKARSKI, R. (2007): *Konotace – prototypy – otevřené definice*. In: *Čítanka textů z kognitivní lingvistiky*. Praha, 13–25.
- TRIER, J. 1973: *Altes und Neues vom sprachlichen Feld*. In: *Wortfeldforschung*. Darmstadt, 453–464 s.
- VAŇKOVÁ, I. (1999a): *Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa*. SaS, č. 4, r. 60, 283–292.
- VAŇKOVÁ, I. (1999b): *Kognitivně-kulturní inspirace z Polska*. SaS, č. 3, r. 60, 214–224.
- VAŇKOVÁ, I. et al. (2005): *Co na srdci, to na jazyku*. Kapitoly z kognitivní lingvistiky. Praha. 343 s. ISBN 80–246–0919–3.
- VAŇKOVÁ, I. (2007): *Nádoba plná řeči (člověk, řeč a přirozený svět)*. Praha. 312 S. ISBN 978-80-246-1122-8.
- WIERZBICKA, A. (1985): *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor. 390 s.
- WIERZBICKA, A. (1988): *The Semantics of Grammar*. Amsterdam / Philadelphia. 617 s.
- ŽAŽA, S. (1988): *Paradigmatika a akcentuace ruského slovesa 1. - Třídění sloves*. Praha. 106 S.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno. 122 s.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2006): *Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова*. Волгоград. 227 s.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2008): *Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики*. М. 472 s.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1974): *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М. 366 s.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1986): *Интегральное описание языка и толковый словарь*. ВЯ, № 3, 57–70.
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1998): *Язык и мир человека*. М. 896 s. ISBN 5-7859-0027-0
- БАРДИНА, Н. В. (1997): *Языковая гармонизация сознания*. Одесса. 271 s.
- БАРНЕТОВА, В. – КОНЕЧНА, Д. (1983): *О значении чешских и русских первичных предлогов*. In: *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*. Москва, 222–226.
- ВАСИЛЬЕВА, В. Ф. (1983): *Некоторые наблюдения над сочетаемостными особенностями качественных и относительных прилагательных в русском и чешском языках*. In: *Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками*. М., 235–251.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, А. Н. (1989): *Историческая поэтика*. М. 404 s.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1972): *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Изд. 2-ое. М. 614 s.
- ВОЛЬФ, Е. М. (1978): *Грамматика и семантика прилагательного*. М. 200 s.
- ВОЛЬФ, Е. М. (1979): *Семантика существительных в атрибутивных сочетаниях*. In: *Сборник трудов*. М., 146–152.
- ВОРКАЧЕВ, С. Г. (2001): *Концепт счастья: понятийный и образный компоненты* // In: *Известия РАН, серия литературы и языка*, т. 60, 47–58.
- ВОРОНЦОВА, М. И. – РАХИЛИНА, Е. В. (1989): *Предметные имена и лексическая типология. Проблемы семантической и синтаксической типологии*. М. 10–15.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С. (1956): *Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка*. М. 517 s.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С. (1999): *Мышление и речь*. М. 352 s. ISBN 5-87604-097-5
- ГАК, В. Г. et al. (1988): *Метафора в языке и тексте*. М. 174 s.
- КОДУХОВ, В. И. (1974): *Общее языкознание*. М. 302 s.
- КОЛЕСОВ, В. В. (1986): *Мир человека в слове древней Руси*. Л. 310 s.
- КОПЫЛЕНКО, М. М. (1973): *Сочетаемость лексем в русском языке*. М. 119 s.
- КОРОСТЕНСКИЙ, И. (2006): *Метафора в чешской и русской лексике*. ROSSICA OLOMUCENSIA XLIV(-za rok 2005). Ročenka katedry slavistiky na FF UP I-III, Olomouc, 145–150. ISBN 80-244-0830-9
- КОРОСТЕНСКИЙ, И. (2008): *Фразеологическое сопоставление концептов в чешском и русском языках*. In: *«Фразеология и когнитивистика»*. Белгород, 176–180. ISBN 978-5-9571-0326-4
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1999): *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. СПб. 320 s. ISBN 5 – 86547- 070 – 1
- КОСТОМАРОВ, В. Г. – ВЕРЕЩАГИН, Е. М. (1976): *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М. 248 s.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (1999): *Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке)*. In: *Известия АН, серия литературы и языка*, т. 58, № 5–6, 3–12.
- КУН, Т. (1975): *Структура научных революций*. М. 300 s.

- ЛАКОФФ, Дж. (1988): *Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность*. In: Новое а зарубежной лингвистике, XXIII, М., 12–51.
- МАККОРМАК, Э. Р. (1990): *Когнитивная теория метафоры*. In: Теория метафоры. М., 358 – 386.
- МОСТОВАЯ, А. Д. (1987): *Выявление семантических отношений на именах конкретной лексики и методы их описания*. In: Экспериментальные методы в психолингвистике. М. 238 s.
- МРАЗЕК, Р. (1990): *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков /исходные структуры простого предложения/*. 149 s. ISBN 80-210-0204-2
- ПЕНЬКОВСКИЙ, А. Б. (2004): *Очерки по русской семантике. Языки славянской культуры*. М. 464 s. ISBN 5-94457-166-7
- ПОТЕБНЯ, А. А. (1976): *Мысль и язык (1862)*. In: Эстетика и поэтика. М., 35–220.
- РАХИЛИНА, Е. В. (2000): *Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике*. М. 415 s.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1993): *Метафора в системе языка*. СПб. 149 s.
- ТОПОРОВ, В.Н. (1983): *Пространство и текст. // Текст: семантика и структура*. М. 410 s.
- ТРЕСТЕРОВА, З. (1998): *Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков.Т. 2. Братислава, 170–182.*
- УФИМЦЕВА, А. А. (1986): *Слово в лексико-семантической системе языка*. М. 271 s.
- ФРУМКИНА, Р. М. et. al. (1991): *Семантика и категоризация*. М. 168 s.
- ХОМСКИЙ, Н. (1972): *Язык и мышление*. М. 297 s.
- ЯКОВЛЕВА, Е. С. (1994): *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М. 344 s.

JANA SOKOLOVÁ

Slovenská republika, Nitra

NARÁŽKA AKO IMPLICITNÁ INFORMÁCIA V KOMUNIKÁCI

ABSTRACT:

A hint as a functionally motivated individualization is connected with a special communication effect. The role of the context and the activity of the recipient in the process of recognition and understanding of main implicit parts of communication are shown, i.e. the content of the hint indicated in the trite form is redundant and forms the alternative level. Two phases of the hint perception are investigated: identification and interpretation.

KEY WORDS:

Communication – context – hint – identification – implicitness – interpretation – information – particularity – recipient – standardization.

АБСТРАКТ:

Намек в качестве функционально мотивированной индивидуализации связан с особым коммуникативным эффектом. Приводится роль контекста и деятельность реципиента в процессе опознавания и понимания имплицитных содержательных сторон коммуникации, так как содержание намека, представленное в поверхностной форме, редуцировано и образует альтернативный уровень. Рассматриваются два фазиса рецепции намека: идентификация и интерпретация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Идентификация – имплицитность – индивидуализация – интерпретация – информация – коммуникация – контекст – намёк – реципиент – стандартизация.

Východisková téza príspevku znie: *narážka je funkčne motivovaná a implicitne realizovaná komunikačná individualizácia spätá s osobitým komunikačným efektom.*

Slovníková definícia *narážky* znie: *Слово или выражение, в котором мысль высказана неявно, неполностью и может быть понята лишь по догадке. // Жест, движение, поступок, заменяющее такое слово [Кузнецов 2004].* Z jej kolokability (t.j. schopnosti spojovať sa v texte s inými slovami) vyplýva preferovanie slovíes sémantického typu *faciendi* (najmä *sentiendi* a *dicendi*) a evaluatívnych, *apreciatívnych* adjektív.

Základné kombinačné, kolokačné štruktúry substantíva narážka v ruštine sú nepropozičné a majú:

a) pravostrannú realizáciu: S – prep –S, napr. *намек на возраст, намек на рост, намек на смерть, намек на фильм* a pod.

b) ľavostranné realizácie: V – S, napr. *понять намек, делать намеки, говорить намеками, действовать намеками* a pod.

A – S, napr.: *прозрачный намек, отдаленный намек, далекий намек, искусный намек, тонкий намек, изящный намек, смутный намек, неясный намек, туманный намек, дерзкий намек, оскорбительный намек, шуточный намек* a pod.

Pron. – S, napr. *некоторые намеки, всякие намеки* a pod.

Ako vidieť, kolokabilita slova narážka ukazuje na a) tému narážky, b) realizovanie narážky, c) hodnotenie narážky. Odráža nielen subjektovo-objektový rámec semiózy, ale aj potencialitu jej komunikačného statusu. Narážka je odôvoditeľná a vyvoditeľná.

Úlohou príspevku je modelová interpretácia aktivity recipienta a jeho vyrovnávanie sa s implicitnými obsahovými zložkami komunikácie. Ako doklady uvádzame niekoľko ruských aforizmov, porov.:

- (1) *В наше время на каждого читателя приходится примерно три писателя.*
- (2) *Есть ложь, есть большая ложь, есть статистика, а есть реклама.*
- (3) *В продажу поступил новый крем от морщин – для Барби!*

Z pohľadu recipienta je narážka súčasťou semaziologickej operácie, v ktorej sa postupuje od formy k obsahu. Prekračuje však hranice sémantiky a v plnom rozsahu sa dá uchopiť len v súčinnosti sémantiky a pragmatiky. Je to dané aj tým, že princíp náznaku sa uplatňuje bežne ako optimálna redukcia informačného toku a jeho korene treba hľadať hlbšie, v systéme mentálnych štruktúr a procesov. Preto aj narážka sa nevzťahuje len na jazyk a jazykovú komunikáciu, ale je súčasťou ľudského správania sa.

Narážka je založená na nepriamom, implicitnom sprostredkovaní informácie a tak jej komunikačný rámec predpokladá aktívnu spoluúčasť recipienta. Od neho totiž závisí, či priamo nevyslovené, niekedy až ťažko rozoznateľnú informáciu dokáže uchopiť.

Recepcia narážky ma dve fázy:

- identifikačnú,
- interpretačnú.

Identifikácia je prvým krokom k porozumeniu narážky. Spočíva na rozpoznaní náznakovosti prostredníctvom porozumenia kontextu a situácie. Narážka sa vyznačuje pevnou väzbou na kontext – jazykový ale aj mimojazykový, mimo kontextu neraz narážku nie je možné ani identifikovať ani interpretovať.

Predpokladom spoznania náznakovosti je pripravenosť recipienta vyvodzovať (inferovať) z obsahu komunikácie nové informácie.

Ďalším dôležitým predpokladom spoznania náznakovosti je schopnosť recipienta disociovať komunikované a intendované obsahy slov / viet / komunikátov. Jazykové

znaky majú totiž aj vlastnosť prevarikácie (v terminológii F. Čermáka), čo znamená, že majú inherentne potenciálnu schopnosť vytvárať slovné hračky, dvojzmysly, inotaje a pod.

Identifikáciu nárážky sťažuje vágnosť jazyka ako jedna z jeho podstatných vlastností. Zdrojom vágnosti je obsahová štruktúra samotných jazykových znakov, samotná povaha komunikácie, jej priebeh a spôsob, akým vysielateľ jazykovo spracúva svoj komunikačný zámer. V mysli recipienta sa informácia rekonštruuje prostredníctvom sémantickej rezonancie (t.j. asociácií a konotácií, ktoré informácia vyvoláva u prijímateľa). Výsledok sémantickej rezonancie u recipienta sa nemusí a ani nemôže zhodovať (kvalitatívne aj kvantitatívne) so sumou informácie, ktorú komunikuje percipient (porov. [Krupa 1989]).

Identifikáciu a porozumenie kontextu a situácie, umiestnenie prejavu v jeho súvislostiach, umožňuje prítomnosť momentu konvencionalizovanosti, ktorý sa zakladá na pochopení nejakej časti typizovanej, štandardnej situácie, podľa ktorej recipient môže rekonštruovať buď celú situáciu, alebo tie jej komponenty, ktoré tvoria obsah nárážky. Zároveň je prítomný moment ozvláštnenia, individualizácie ako posilnenie príznakovosti. Podobne ako J. Dolník [Dolník 2007], individualizácie vnímame ako odchýlky od štandardizácii v rámci daného kultúrneho prostredia a posudzujeme ich ako komplementárne parametre príznakovosti [ibid. 2007: 49].

Vzťah medzi typickým a zvláštnym predstavuje základný protiklad posudzovania aj zobrazovania skutočnosti. Pod typickosťou sa rozumie aj pôsobenie výpovede prostredníctvom podstatných, všeobecných a opakujúcich sa vlastností zobrazovaného. Tie tvoria štruktúry náprotivok, pendant zvláštnych, jedinečných, špecifických a individuálnych znakov zobrazovaného. Vďaka typickému recipient vie, čo môže očakávať. Typické pracuje s tým, čo je v zobrazovanom časté a konvencionalizované. Neraz sa opiera o stereotyp a kliše.

Identifikáciu nárážky môže uľahčiť aktuálnosť tej skutočnosti, javu, osoby a pod., ktorej sa referenčne dotýka. Nárážka reflektuje a preferuje to, čo je súčasné, aktuálne.

Narážka často vzniká aj v dôsledku spájania alebo prepojenia nesúrodých, protirečiacich si prvkov reality, ktoré sa javia ako absurdné. S absurdným sa v bežnom živote stretávame pri spozorovaní niečoho, čo vnímame ako neprípustné, rozporuplné, šokujúce alebo aj smiešne zároveň. Absurdné sa stáva absurdným práve vtedy, keď niečo, čo je podľa zaužívaných pravidiel zdanlivo nemožné a nepravdepodobné, nadobudne reálnu existenciu.

Z významového protikladu medzi vypovedaným a jeho pravým, skutočným zmyslom vychádza princíp irónie. Na jeho základe sa nepríjemné skutočnosti síce vyjadrujú nepriamo, ale pomerne explicitne. Irónia býva sprievodným a okrajovým komunikačným efektom nárážky.

Narážka môže byť súčasťou tzv. palimpsetovej techniky, ktorá spočíva v nadväzovaní textu na iné texty a vo voľnom narábaní s citáciami a kvázicitáciami, t.j. predstieranými, falošnými citáciami (porov. [Plesník a kol. 2008: 132]). Táto aluzívna nadväznosť môže byť afirmatívna alebo kontroverzná, porov.:

(4) *Кому на Руси жить хорошо? Вопрос сложный: нас несколько!*

- (5) *Всем не угодить. Всегда найдется тот, кто даже Данко назовет бессердечным.*
 (6) *У него ума палата (№6).*

Identifikácia narážky prebieha stupňovito: 1. spozorovanie takých prvkov v komunikácii, ktoré sú nositeľmi ďalších druhotných významov; 2. reflexia skúseností recipienta; 3. uvedomenie si a spracovanie informácii, resp. pokus o ich porozumenie; 4. aktivizácia súčastí komunikovaných obsahov, ich spoznanie a porozumenie v širších súvislostiach, priradenie zmyslu.

Interpretácia si vyžaduje zintenzívnenie myšlienkovvej činnosti. Interpretácia narážky závisí od recipienta, ako vie prijímaný stimul dešifrovať. Základným predpokladom dešifrovania je, že recipient musí disponovať potrebnými jazykovými aj mimojazykovými poznatkami.

Ako sme už naznačili, narážka patrí medzi javy, ktoré sa vyznačujú kontextovou senzitivnosťou a ich interpretácia je spätá s kontextovými faktormi (porov. [Dolník 1998]).

Interpretáciou si recipient objasňuje, vysvetľuje implicitnosť. Účinok výrazovej implicitnosti spočíva vo vnútornom „dovedomenísi“ obsahu informácie, v pochopení jej významových odtienkov. Podstata implicitnosti výrazu však zostáva aj v interpretácii zachovaná (významová plnosť nie je ani obsiahnuteľná a ani absolútna).

Pri interpretácii narážky platí, že jej zrozumiteľnosť nezávisí len od povrchovej štruktúry a nie je identifikovateľná pomocou jednoznačných formálnych prostriedkov či príznakov. Narážka podáva informáciu spôsobom, ktorý využíva najmä nové, prekvapujúce a často nepredvídateľné súvislosti. Tieto súvislosti môžu byť náhodné aj zákonité, zjavné aj skryté. To znamená, že narážka nie je jednoznačne signalizovaná určitými znakmi (štruktúrnymi indikátormi), ale je implikovaná najmä pomocou kontextu, t.j. má povahu inferencie. Inferencie sú procesy usudzovania, vyvodzovania nových informácií z informácií známych. Inferencie prepájajú informácie verbálne s informáciami neverbálnymi a vždy sú subjektívne.

V narážkach sa uplatňujú ilokučné a interakčné inferencie, ktoré umožňujú porozumieť komunikačným funkciám a komunikačným zámerom. Práve tieto inferencie sa podieľajú na vytváraní osobitého komunikačného efektu narážky.

Narážky z hľadiska komunikačného zámeru môžu byť zámerné, t.j. také, ktoré sú súčasťou komunikačného zámeru, a nezámerné, t.j. ktoré nesú sprievodné, vopred nezamýšľané, informácie.

Tematicky narážky oscilujú na škále od komorných, neraz intímnych, ktoré sú zrozumiteľné len úzkemu okruhu ľudí, až po narážky, ktoré reflektujú globálnejšiu problematiku bez kulturologických bariér, a preto môžu byť akceptované širším spektrom prijímateľov (aspekty prekladu a prekladateľnosti narážky v tomto príspevku neriešime).

V komunikátoch sa narážka najčastejšie realizuje prostredníctvom:

- logickej premisy:

(7) *Температура бакса в России нормальная – 36,6.*

(8) *Наступает год @.*

- (9) *В духе со временем, вышел новый набор «Лего». Теперь с пометкой 18+*
 (10) *Единственная хорошо подобранная пара – два сапога.*
 (11) *Плоха та сеть, из которой клиенты с деньгами выпадают.*
 (12) *С Новым Кодом! (Да Винчи).*

• doplnenia:

- (13) *Слово – не воробей, а врач или убийца.*
 (14) *Друзья познаются в беде, а родственники при дележе наследства.*
 (15) *Дайте мне точку опоры – ся ду и покурю.*

• dvojzmyslu:

- (16) *Комната смеха – Желтый дом – Барак обмана.*
 (17) *Живём, как положено, а положено у нас на всё.*
 (18) *Иностранцы дождались своего звездного часа: по улицам Москвы дей ствительно стали бродить «медведи».*

Narážka je záležitosťou kreatívneho myslenia a kreatívneho používania jazyka. Prejavuje sa v schopnosti nachádzať súvislosti medzi javmi neraz aj z disparátnych rovín, vyberať z nich podstatné črty a kombinovať ich do nových celkov. Kreativita neimplikuje úplnú slobodu v narábaní s jazykovými prostriedkami, ale len takú, ktorá neznemožňuje komunikáciu. Narážka má tú vlastnosť, že jej neporozumenie nenaruša všeobecnú zrozumiteľnosť komunikácie. Narážka je prejavom tvorivosti, ktorá síce nie je prediktabilná, ale je zato pochopiteľná.

Narážka je povedaná, hoci nevyslovená.

POUŽITÁ LITERATÚRA:

<http://aforizmi.narod.ru>

<http://www.xaxaxa.ru>

<http://syy.narod.ru/wordsd.htm/>

БАРАНОВ, А. Н. (2007): *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика*. Москва: Издательство «Флинта».

ČERMÁK, F. (1997): *Jazyk a jazykověda. Přehled a slovníky*. Praha: Pražská imaginace.

DOLNÍK, J. (1998): *Všeobecná lingvistika: sémantika a pragmatika*. Bratislava: Univerzita Komenského Bratislava.

DOLNÍK, J. (2007): *Translatologická transpozícia a kreácia*. In: E. Gromová – D. Müglová (eds) *Preklad a kultúra 2*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 47-55.

SCHIFFRIN, D. – TANNEN, D. – HAMILTON, H.E. (eds) (2003): *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell Publishing.

KRUPA, V. (1989): *Vágnosť a jej status v jazyku*. *Slavica Slovaca*, 24, č. 3, s. 236-240.

КУЗНЕЦОВ, С. А. (гл. ред.) (2004): *Современный толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт».

PLESNÍK, E. a kol. (2008): *Tezaurus estetických výrazových kvalit*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre.

ВАЛЕНТИНА ТИХОВА

Россия, Кострома

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКА

АБСТРАКТ:

The article deals with the problem of possibility and necessity of an elective course “*Improvement and self-perfection of a senior pupil language personality (on base of reviewing training)*” introduction in the system of the Russian (native) language teaching in 10 – 11 classes of the section school. Didactic possibilities of reviewing as a poly-componential text-activity are also interpreted; school supplies methods for the elective course are substantiated.

KEY WORDS:

Senior pupil language personality – improvement and self-perfection – elective course – reviewing as school supplies content ground – deliberate-activity method of approach – personal-directed teaching.

АБСТРАКТ:

Статья посвящена проблемам возможности и необходимости введения элективного курса «*Совершенствование и самосовершенствование языковой личности старшеклассника (на основе обучения рецензированию)*» в систему обучения русскому языку как родному в 10 – 11 классах профильной школы. Рассматриваются дидактические возможности рецензирования как многокомпонентной текстовой деятельности, в том числе методическая оснащенность для элективного курса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Развитие личности школьника – совершенствование и самосовершенствование – элективный курс – рецензирование как основа обучения – методическая оснащенность многовариантного преподавания – личностное обучение.

В Стандарте 2004 года развитие личности школьника провозглашено ведущей целью обучения русскому (родному) языку в школе. Научные понятия «личность», «развитие личности» в современной науке стали ключевыми словами в десятках, а то и сотне теорий. В российской лингвистике активно разрабатывается теория языковой личности. Термин «языковая личность» сегодня воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя по-разному толкуется лингвистами. Но любое его понимание связано с носителем языка, сознания и культуры, который вступает в коммуникацию с себе подобными или самим собой. Решение проблем развития личности обучаемого с опорой на

изыскания теории языковой личности, на наш взгляд, реально не только для основного школьного предмета «Русский (родной) язык», но и смежных с ним филологических дисциплин. Среди них – разрабатываемый нами элективный курс для учащихся 10 – 11 классов профильной школы «Совершенствование и самосовершенствование языковой личности старшеклассника (на основе обучения рецензированию)».

Введение названного курса мотивировано психологическими предпосылками развития человека в ранней юности [Асмолов 2002; Кон 1980; Петровский и др.], а также современными научными изысканиями в области когнитивной и антропоцентрической лингвистики [Богин 1984; Караулов 1989], лингвистическими и методическими исследованиями, описывающими реальное языковое развитие современных старшеклассников [Аниськина Н.В.; Баранов М.Т.; Капинос В.И.; Купалова А.Ю.; Ладыженская Т.А.; Львов М.Р.; Цейтлин С.Н.].

Понимая, что современная методическая оснащенность многовариантного преподавания русского языка в 10 – 11 классах российских школах [Бабайцева В.В.; Власенков А.И.; Дейкина А.Д.; Золотова Г.А.; Онипенко Н.К.; Пахнова Т.М.; Рыбченкова Л.М. и др.], а также курса развития связной речи и риторики [Ладыженская Т.А., Ишполитова Н.А., Капинос В.И., Никитина Е.И. и др.] есть значимый инструмент в решении проблемы совершенствования языковой личности старшеклассника, мы считаем необходимым и возможным введение выше названного элективного курса.

Являясь разновидностью многокомпонентной текстовой деятельности, предполагающей активное использование чтения, говорения, письма и слушания, рецензирование является средством реализации интеллектуально-коммуникативных способностей и поэтому активно влияет на совершенствование всех сторон и уровней языковой личности. Оно совершенствует рефлексивную деятельность школьника и оказывает серьезное воздействие на социализацию личности, так как учит высказывать свое мнение, тренирует в конструктивном восприятии чужих мнений и идей, способствует формированию умения оценивать не только явления литературы, искусства и культуры, но и действительности, свое место в ней, свои поступки в сравнении с жизненным опытом других людей и др. И все это является важным для развития личности в возрасте, *«когда абстрактная возможность кажется интереснее и важнее действительности (именно потому, что она не знает никаких ограничений, кроме логических) и изобретение, а затем разрушение универсальных законов и теорий становится любимейшей умственной игрой»* [Кон 1980: 56]. Помимо всего перечисленного, рецензирование открывает возможности и для осознания школьником себя самого. *А осознание субъектом самого себя – важнейший психологический процесс юношеского возраста, который активно влияет на становление и развитие всех сторон личности человека* [Кон 1980: 57].

Таким образом, текстовая деятельность при обучении рецензированию способна стать важнейшим средством определения путей самоактуализации и саморазвития личности.

Обеспечить совершенствование и саморазвитие языковой личности старшеклассника в процессе обучения возможно лишь в том случае, если школьник *сознательно отнесется к этому процессу*. В связи с этим одной из главных задач при разработке элективного курса и учебного пособия к нему стала *реализация осознанного подхода к обучению* [Гальперин П.Я.; Зимняя И.А.; Леонтьев А.Н.; Леонтьев А.А.; Маркова А.К.; Талызина Н.Ф. и др.], а ее доминантой – отбор содержания учебной деятельности и структурирование ее с перспективой того, чтобы оно не только порождало и поддерживало мотивы обучения учащегося, его познавательный интерес, но и обеспечивало самоосознание личностного развития.

Поскольку *«удовлетворить ум ребенка в ходе изучения родного языка может быть труднее, чем ум взрослого человека»*, так как ребенку *«нужно сперва объяснить философию слова человеческого и потом уже из ней вывести теорию слова отечественного»* [Белинский], мы структурировали содержание учебного пособия в два основных центра обучения: *вводный и основной*. Его распределение осуществили таким образом, чтобы вводный курс раскрывал *«философию слова человеческого»*, обеспечивал формирование у старшеклассников потребности в самопознании и самосовершенствовании своей языковой личности, а основной, представляя *«теорию слова отечественного»*, – поддерживал потребность к самосовершенствованию и материально оснащал этот процесс. В связи с этим во *вводный курс* мы ввели сведения о языке и речи как средстве самореализации и самораскрытия личности. Оснастили его информацией о языковой картине мира, а также об особенностях языковой картины мира старшеклассников. В общих чертах представили теорию языковой личности и основные особенности типичной языковой личности современного старшеклассника и др. Чтобы добиться поставленной цели, ввели в эту часть курса сведения о «хорошей речи» как условия эффективной коммуникации и представили практические материалы, ведущие к осознанию актуальности совершенствования ряда умений, обеспечивающих исполнение правил этикетного речевого поведения, норм русского литературного языка, противостояния распространенным в современной речевой практике языковой демагогии, речевой агрессии, негативным PR-технологиям и др.

Основную часть курса мы подразделили на несколько составляющих: рецензирование как комплексная интеллектуально-речевая деятельность; обучающий практикум написания отзыва; обучающий практикум написания рецензии; обучающий практикум написания эссе; итоговый практикум.

Обеспечивая внешнюю мотивацию учебной деятельности, мы оснастили основной курс материалами, раскрывающими специфику рецензирования как интеллектуально-речевой деятельности, представив в теоретическом и практическом плане ее составляющие: чтение, интерпретацию, подготовку письменного текста интерпретации и его редактирование. В практикумах каждого из названных жанров не только заявили сведения о их особенностях и специфике функционирования, но и, основываясь на теории поэтапного формирования умственных действий и теории управления процессом усвоения знаний, вклю-

чили в них упражнения, обучающие способам работы по созданию текстовых фрагментов и целостных жанрово ориентированных речевых произведений. Принимая во внимание теорию управления процессом освоения знаний [Талызина 1975], мы представили материалы в определенной технологической системе обучения действиям во всех компонентах многоаспектной текстовой деятельности, которую исполняет рецензент: информационно-коммуникативной, познавательной, рефлексивной и др.

Осознавая, что, «*внешние мотивы сами по себе не обеспечивают включение школьника в учебную деятельность*» [Божович 1978], мы стремились в основном курсе стимулировать всю структуру мотивационной сферы старшеклассника [Маркова 1986: 14-16]. С этой целью мы обогатили содержание обучения текстами, имеющими высокую интеллектуальную, морально-нравственную и культурную ценность, созданными как выдающимися носителями языка, так и самими старшеклассниками разного уровня речевого развития. Мы не только привлекли теоретический материал, незнакомый школьникам по содержанию основного предмета «Русский язык», но и стремились показать новое в уже знакомом и привычном, оснастили учебный материал проблемными и поисковыми заданиями, насытили его лингвистическим экспериментом, ввели значительную дозу творческих упражнений.

Чтобы школьник мог «*отрефлексировать наличный, исходный, актуальный уровень знаний и умений*», а затем оценить свои успехи, свой личностный рост при структурировании материала, мы проецировали в разделах и главах «*личностный продукт*» образования и развития школьника, т.е. то приобретенное им «*наращение*» в его языковой личности, которое он может почувствовать, осознать и даже измерить [Хуторской 2005: 69-81]. С этой целью мы разработали преамбулы каждой главы, где перечислили основные знания и умения, которые должен сформировать обучающийся. Многие упражнения каждой главы обеспечили материалами для поддержки и самоконтроля, предоставив учащимся право выбора способа исполнения задания. В конце же каждой из глав поместили контрольные вопросы и задания, исполняя которые, учащийся мог бы реально осознать «*личностный образовательный продукт*», полученный в ходе обучения.

Подводя итог, заметим, что обучение, организованное по учебному пособию для элективного курса, вызвало устойчивый познавательный интерес школьников, привело к повышению качества их речевого развития и продемонстрировало самим старшеклассникам их способность превращать обучение многокомпонентной текстовой деятельности в предмет практического преобразования себя.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АСМОЛОВ, А.Г. (2002): *Психология личности*. М.
БЕЛИНСКИЙ В.Г. (1982): *Грамматика языка русского. Часть 1. Познание слов*. In: Хрестоматия по методике русского языка. Русский язык как предмет изучения. Составитель А.В. Текучев. М.
БОГИН, Г.И. (1984): *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов*. Автореферат дисс. докт. филолог. наук. Л.
БОЖОВИЧ, Л.И. (1978): *Этапы формирования личности в онтогенезе*. In: Вопросы психологии. №4.

- ЗИМНЯЯ, И.А. (2005): *Педагогическая психология*. М.
КОН, И.С. (1980): *Психология старшеклассника*. М.
КАРАУЛОВ, Ю.Н. (1989): *Русская языковая личность и задачи ее изучения*. In: *Язык и личность*. М.
ТАЛЫЗИНА, Н.Ф. (1975): *Управление процессом усвоения знаний*. М.
МАРКОВА, А.К. (ред.) (1986): *Формирование интереса к учению у школьников*. М.
ХУТОРСКОЙ, А.В. (2005): *Методика личностно-ориентированного обучения*. М.

Лидия ВАУЛИНА

Россия, Кострома

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

АБСТРАКТ:

Theoretical and practical questions of intercultural communication are very important in the context of globalization. There is a great difference between Russian and German in the means of expression of the meanings of subjunctive modality. Subjunctive modality in Russian has modal words as the most important means of expression. And subjunctive modality in German can be expressed in the predicate of the sentence. The construction “modal verb + infinitive” has many functions. For communicants it is often difficult to decode the meaning of this construction correctly.

KEY WORDS:

Intercultural communication – to code – to decode – modality – subjunctive modality – subjunctive senses – “modal” personality – verbal communication – culture of the dialogue.

АБСТРАКТ:

Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации предстают в контексте глобализации очень важными. Между русским и немецким языками в области выражения субъективной модальности наблюдается существенная разница. Главным средством выражения субъективной модальности в русском языке являются модальные слова. В немецком же языке субъективная модальность выражается глаголом. Конструкция «модальный глагол + инфинитив» выполняет ряд функций. Для коммуникантов весьма часто трудно декодировать значения данной конструкции правильно.

Ключевые слова:

Межкультурная коммуникация – кодировать – декодировать – модальность – субъективная модальность – субъективные смыслы – «модальная личность» – вербальная коммуникация – культура диалога.

Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации приобретают все большую значимость в связи с возрастанием количества ситуаций межкультурного общения в современном мире. Коммуниканты кодируют и декодируют множество субъективных смыслов, обусловленных как их индивидуальностью, так и родной лингвокультурой. Актуальной становится разработка семантической концепции субъективной модальности и изучение ее прагматических аспектов с позиции межкультурной коммуникации.

Исследование субъективной модальности в ее широком понимании может способствовать, с одной стороны, дальнейшему развитию теории «модальной личности», в соответствии с которой предпринимается попытка выделения определенного психологического склада личности, характерной для того или иного общества и обуславливающего поведенческие особенности его членов [Мельникова 2003: 8]. С другой стороны, это позволило бы в рамках межкультурной коммуникации как учебной дисциплины и на межкультурных тренингах наряду с межкультурной сенсibiliзацией способствовать формированию качеств личности, необходимых для конструктивного межкультурного взаимодействия, а также выявлять те качества, которые могут вести к межкультурным недоразумениям и конфликтам.

Понятие «модальность» играет важную роль в философии, логике и лингвистике.

В лингвистике употребление термина *модальность* не отличается однозначностью. По мнению Й. Бар-Хиллель, категорию модальности можно сравнить с корзиной для ненужных бумаг, в которой собрано все, что невозможно проанализировать [Bar-Hillel 1971: 401].

Разными авторами под понятие модальность подводится широкий круг разнообразных явлений, характер и глубинные связи которых, несмотря на обилие работ, продолжают оставаться далеко не очевидными (Обзор различных точек зрения на природу модальности [Панфилов 1971: 174-183; Петров 1982]).

Создание цельного учения о модальности в отечественном языкознании связано с именем В.В. Виноградова. Семантическая емкость категории модальности описана В.В. Виноградовым при рассмотрении средств ее выражения в русском языке [Виноградов].

Теоретические положения В.В. Виноградова получили дальнейшее развитие в работах лингвистов как на материале русского, так и на материале других языков, в частности немецкого.

Для теории межкультурной коммуникации важно констатировать, что в реальной речевой деятельности любое высказывание, независимо от того, присутствуют ли в нем специальные языковые средства выражения отношения говорящего, передает эти отношения, то есть субъективная модальность в широком понимании представлена в любом предложении. Высказывание всегда является чьим-либо речевым произведением. Объективные отношения между его содержанием и действительностью всегда опосредованы субъективным восприятием говорящего/пишущего. В этом смысле нужно говорить об объективно-субъективном характере категории модальности. Субъективное так же, как и объективное, является обязательным, а не факультативным аспектом модального отношения.

Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции (ср. [Панфилов 1971: 303]), к которой относятся предположение, уверенность, сомнение, удивление, опасение, недоверие, протест, ирония и другие эмоционально-экспрессивные оттенки субъективно-

го отношения к сообщаемому, которые находят свое вербальное, невербальное и паравербальное выражение.

Именно этот субъективный фон влияет на качество процесса межкультурной коммуникации. Важное значение имеет процесс кодирования и декодирования объективных и субъективных смыслов, во многом осложняющийся различием в лингвокультурах, представляемых коммуникантами. В качестве примера сравним средства выражения предположения в современном немецком и русском языках. В русском языке предположение выражается преимущественно лексическим способом, а именно модальными словами (*возможно, вероятно, наверно, может быть* и т.д.), что обеспечивает отчетливость и однозначность.

В немецком языке основными средствами выражения предположения являются модальные слова и конструкции с модальными глаголами (см. также [Ваулина 1990]).

Именно выражение предположения через сказуемое в немецком языке является камнем преткновения для русских, изучающих немецкий язык как иностранный. Носителю немецкого языка следует быть осторожным в употреблении синтаксических конструкций с модальными глаголами, если он не уверен в том, что его партнер по коммуникации в достаточной степени владеет немецким языком. В противном случае произойдет неверное декодирование субъективных смыслов, так как модальные глаголы в сочетании с инфинитивом могут употребляться для выражения желания, возможности, необходимости совершения действия, различных степеней уверенности, некатегоричности, вежливой просьбы и т.д. Адекватная реакция партнера по коммуникации, таким образом, возможна лишь при правильном декодировании высказывания.

Более того, по мнению некоторых исследователей, различия в грамматической структуре родных языков коммуникантов само по себе является уже катализатором того, что их национальные картины мира, национальные характеры в значительной степени отличаются друг от друга [Мельникова 2003: 315-317], а в немецком языке позиция сказуемого в предложении четко зафиксирована, что полностью отсутствует в русском языке.

Таким образом, в межкультурном контексте становится актуальным как разработка семантической концепции модальности, так и изучение ее прагматических аспектов. Именно воспитание культуры выражения субъективных смыслов на вербальном, невербальном и паравербальном уровне может лечь в основу педагогического процесса по формированию диалогичной и толерантной личности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОНДАРЕНКО, В.Н. (1978): *Аналитические и синтетические способы выражения в немецком языке*. In: Иностранные языки в школе, №4, с. 31-37.
- ВАУЛИНА, Л.Н. (1990): *Функционально-семантическое поле предположения в современном немецком и русском языках*. In: Русский язык и литература в общении народов мира. М., с. 37-40.
- ВИНОГРАДОВ, В.В.: *О категории модальности и модальных словах в русском языке*. In: Труды института русского языка. Изд-во АН СССР, Т. 2, М. – Л., с. 38-79.
- МЕЛЬНИКОВА, А.А. (2003): *Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности*. Речь, СПб., 320 с. – (Психологический практикум).

- ПАНФИЛОВ, В.З. (1971): *Взаимоотношение языка и мышления*. М.: Наука.
- ПАНФИЛОВ, В.З. (1977): *Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения*. In: *Вопросы языкознания* 1977, №4, с. 37-48.
- ПЕТРОВ, Н.Е. (1982): *О содержании и объеме языковой модальности*. Наука, Новосибирское отд., Новосибирск.
- ЯРЦЕВА, В.Н. (гл. ред.) (1990) *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия».
- BAR-HILLEL, JEHOASHUA (1971): *Out of the pragmatic wastebasket*. *Linguistic Inquiry*, №2. P. 401-407.

Ладислав Воборил

Чехия, Оломоуц

МАЛЫЕ СЛОВА ВЕЛИКОГО ЯЗЫКА I – «ТИПА»

АБСТРАКТ:

The paper deals with the word “tipa” which became popular in 1990s in Russia. Sources of its popularity are explained; fuzzy character, syncretism and polyfunctionality of the word are discussed. The word itself expresses a lot of various functional-pragmatic meanings – indefiniteness, citation, another person’s point of view, irony, comparison. On base of examples collected in the National Corpus of Russian Language and in the Internet (forums, blogs) the author tries to show the process of conversion, desemantisation, grammaticalisation, functional use of the item. The word can be considered either a noun, a preposition or a particle. It is often used to fill in hesitation pauses, as well.

KEY WORDS:

“Tipa” – noun – preposition – particle – parasite – article – conversion – desemantisation – synsemantic – colloquial speech – polyfunctional – syncretism – functional – pragmatic – indefiniteness.

АБСТРАКТ:

В статье рассматривается ставшее в 90-е годы XX века популярным слово «*типа*». Объясняются причины его популярности; констатируется его размытость, синкретизм и полифункциональность, выражение им разных функционально-прагматических оттенков значения – неопределенности, неуверенности, цитатности, чужого мнения, иронии, сравнения. На примерах, извлеченных из Национального корпуса русского языка и Интернета (форумы, блоги), автор демонстрирует процесс постепенной конверсии, десемантизации и грамматикализации, функционального использования данного элемента, начиная с определения его как существительного и предлога, кончая частицей, модальным словом, вплоть до функционирования *типа* в качестве заполнителя пустот – слова-сорняка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

«*Типа*» – существительное – предлог – частица – слово-паразит – артикль – конверсия – десемантизация – служебный – разговорная речь – полифункциональность – синкретизм – функциональный – прагматический – неопределенность.

Мотто:

Свежий анекдот: «В русском языке появились артикли, неопределенный – «типа» и определенный – «чисто конкретно». [1]

О. Введение. Настоящая статья является первой, и, надеемся, не последней из задуманной нами серии «*Малые слова великого (русского) языка*», которая будет публиковаться с известной нерегулярностью на страницах журнала „*Rossica Olomucensia*“. Под малыми понимаются не только слова небольшого

объема, всего из трех – четырех, пяти букв, но имеется в виду и критерий вспомогательного, служебного характера рассматриваемого слова, что отнюдь не вразрез с частотностью их употребления или продуктивностью. Данные лингвистические этюды, полагаем, станут вкладом в разработку функционального описания языка, основанного скорее на полевом, чем на поуровневом принципе.

Итак, первым под прицел нашего лингвистического ружья попало слово *тип* или, скорее, одна из его словоформ – словоформа *типа*. Относительную новизну данного языкового факта можно усматривать в отсутствии о нем любой справки в авторитетных словарях, пособиях по современному русскому языку и разговорной речи. Однако высокая частотность употребления словоформы *типа* в разговорной речи, в частности в интересующей нас компьютерной форме речи (письменной разговорной речи) на форумах, в блогах [Буторина; Трофимова 2004], свидетельствует о ее привлекательности, продуктивности, широком функционально-коммуникативном и прагматическом потенциале. Цель нашей работы – представить как можно комплексно данный языковой факт.

1. Словоформа *типа* (*тип*) в научном освещении. Комментарий. В больших толковых словарях [Даль, Ожегов-Шведова, Ефремова], включая этимологический словарь Фасмера [Фасмер], лексема *тип* зарегистрирована с категориальным значением существительного. Лишь толковый словарь Ожегова – Шведовой выделяет словоформу *типа* в составе словарной статьи «ТИП¹», указывая на частеречную принадлежность последней к предлогу, сочетающемуся с род. падежом со значением сравнения (син. *вроде, наподобие*, напр., *устройство типа центрифуги, гостиница типа пансионата, люди типа Самгина*). Из доступных нам пособий по современному русскому языку, в том числе по разговорной речи [СРЯ 2006; Земская 1987; Сиротинина 2003; КоГ 2004], лишь в Книге о грамматике [КоГ 2004: 342] слово *типа* числится среди предлогов-средств выражения сравнения. По запросу «типа» Национальный корпус русского языка [ruscorpora.ru] выдал результаты с пометой имя существительное (подавляющее число контекстов), предлог и частица. Ввиду неполной обработки материала корпуса (неснятой омонимии) опираться на количественные результаты поиска невозможно.

Немногочисленные статьи, преимущественно в эл. форме [Северская; Левонтина; Назаренко; Котлячков], обращают внимание на употребление словоформы *типа* в качестве служебного слова с ослабленным лексическим значением, приобретшего свою популярность в 90-е годы XX века, служащего для выражения оттенков неуверенности, безответственности за высказывание, эфемерности последнего, неопределенности, иронии или цитатности и в результате сверхупотребления превратившегося в заполнитель пауз, слово-паразит (слово-сорняк).

В своем эссе «Заметки национал-лингвиста» Е. Лукин [Лукин 2000] отмечает появление в русском языке после краха тоталитарной системы словоформы *типа* со значением неопределенности, подчеркивая отечественный характер явления и усмотрев в нем возникновение в грамматической системе русского

языка аналога западноевропейского неопределенного артикля – *a/an, un, ein*. Зародыши неопределенного артикля в слове *тупа* ощущаются и самими носителями языка и лингвистами-любителями, о чем свидетельствуют записи на форумах и что прегнантно выражает и анекдот, ставший мотто настоящей статьи.

Факт, что словечко *тупа* приобрело большую популярность именно в 90-е годы, вне всякого сомнения; это подтверждается и датировкой материала корпуса. Однако, по тем же данным Национального корпуса, расширение функционального потенциала словоформы *тупа* можно наблюдать уже в 70-е годы (напр., *Он говорит тупа / зачем к нему блядь ездили?* [2]). На востребованность данного слова в более поздний период воздействовали, по нашему мнению, внутренние и внешние экстралингвистические факторы. К внутренним факторам можно отнести распад СССР, общественные изменения, крушение бывших ценностей, психологическое состояние неуверенности² в реалиях «новой жизни».

Доля внешнего фактора выпадает западному влиянию, главным образом, английскому языку. Кроме наличия в последнем грамматической категории не/определенности, неопределенного артикля *a/an* в частности, лексическим средством выражения неопределенности, в том числе средством заполнения пауз, брешей тут служит словосочетание *(a) sort of*; лексемы “*sort*” и «*tun*» семантически, в принципе, совпадают. О возникновении категории артикля в русском языке говорить пока преждевременно, хотя язык и его пользователи, безусловно, ощущают данную системную лауну. Напр., осозная данный факт, В. Новиков в своей статье «*Ноблесс облич. О нашем речевом поведении*» ставит *как бы*, «младшего предшественника и соратника» *тупа*, рядом с неопределенным местоимением *некий*. Но чтобы говорить о грамматической категории, необходимо наличие регулярного противопоставления по определенному признаку минимум двух членов, что на сей момент констатировать нельзя. И еще одно свойство, отличающее «*тупа*» от западноевропейских артиклей, – способность сочетаться и с другими частями речи, не только с существительными.

Как вытекает из замечаний в данном разделе, слово *тупа* в ряде контекстов не имеет однозначного статуса, что обусловлено прежде всего тем, что оно принадлежит к фактам разговорной речи. Неофициальность, устный характер, тесная конситуативная обусловленность последней сказываются на таких свойствах средств разных уровней как синкретизм, наблюдаемый как в плане содержания, так и выражения [PP], и полифункциональность, причем полифункциональность часто представляет собой один из аспектов синкретизма. Не вдаваясь в более подробный анализ термина полифункциональность (ср., напр., [Панков 2004, 2005]), в целях нашей работы полифункциональность будем понимать как способность словоформ выступать в роли разных частей речи, их многозначность, свойство в разных синтаксических позициях, контекстуальных условиях и/или с разным интонационным оформлением выражать различные семантические значения, реализовать тот или иной лексико-

семантический вариант [Панков 2004: 115-116]. Синкретичным, полифункциональным, гибридным, с размытым категориальным статусом можно в качестве гипотезы признать и слово *типа* в разных его словоупотреблениях.

2. Корпус материала для анализа, методы обработки. Теоретические положения. Ключевые понятия. Для комплексного анализа словоформы *типа* как факта языка с точки зрения ее функционирования в речи, определения ее категориальной принадлежности, описания интонационно-выделительных, морфолого-синтаксических, стилистических и функционально-коммуникативных свойств использовались результаты поиска в Национальном корпусе русского языка; выборочно привлечены и случаи словоупотребления данного факта на страницах Рунета.

Превалирующую часть корпуса составили явные случаи употребления словоформы *типа* в качестве существительного в форме мужского рода ед. числа род. падежа, которые дальнейшему анализу не подвергались. Напр., *Существует / [...] / два типа отношений / ... [3]; ... исследование касается формирования функциональных органов только одного, относительно элементарного типа.* [4] Для них характерны: полная лексическая семантика, набор грамматических признаков: морфологических категорий и синтаксических функций. Следует обратить внимание на то, что в таком случае *типа* используется в качестве главного члена предложения (подлежащее, дополнение) либо в составе количественно-именного сочетания с числительными *два, три, четыре*; возможно ее лево- и правостороннее распространение, напр., *три новых типа автомобилей*; либо самостоятельно, с переносом значения (персонификация) и сдвигом в направлении к одушевленности, напр., *встретить странного типа* (форма м. рода ед. числа вин. падежа; возможно только левостороннее распространение). В остальном она выступает в синтаксической функции несогласованного определения, напр., *автомобили нового типа*. Тогда она сама служит распространителем других элементов структуры предложения; необходимо и допустимо лишь ее левостороннее распространение посредством синтаксического прилагательного (согласованное определение).

Следовательно, в более узкий корпус анализа вошло около 100 контекстных единиц, испытываемых на семантике, грамматическо-синтагматических свойствах (сочетаемость, интонационное выделение) и субституции.

По мере возможности и чисто в целях методологии анализ (упорядочение материала) старается симулировать процесс морфолого-синтаксической конверсии исходной словоформы в направлении: полнозначенная часть речи → служебная часть речи (предлог, частица, частица-союз, вводное слово) → заполнитель пустот. При этом учитываются опустошение (десемантизация) единицы, утрата исходной морфолого-синтаксической характеристики (грамматические категории и синт. функции, характер синтаксической связи), интонационное и графическое выделение, возрастающая доля ее гибридности, полифункциональности.

3. Систематизация материала. Описание, комментарии. Случаи употребления слова *типа* в качестве существительного описаны выше. Оста-

новимся лишь на одном, несколько спорном случае. Пример: ... и этот опрос это подтверждает / что нас мыльными пузырями **типа** / не нужно ничего / все расследовано как надо / уже не прокормить. [5] Сначала пусть докажут правоохранительные органы / свои фразы **типа** «надо меньше воровать / тогда будут меньше убивать». [6] С одной стороны, слово *типа* можно распространить за счет синтаксического прилагательного, напр., *такого, упомянутого, следующего, горбачевского*, хотя выбор его довольно ограничен. В таком случае словоформу *типа* мы сочли бы существительным. С другой стороны, при интонационно-синтагматическом или даже графическом обособлении словоформы, она могла бы показаться и частицей, передающей значение цитатности, чужого мнения. Не дав окончательного решения, мы склонны отстаивать скорее первую точку зрения.

Вторая группа контекстов, которая в корпусе вырисовывается с особой отчетливостью, – это случаи употребления *типа* как ПРЕДЛОГА, для которых характерно частичное лексическое опустошение (семантика включения в категорию, однако, все еще нащупывается), утрата грамматической и словоизменительной характеристики, переход в служебное слово, показатель связи. Напр., ... *то есть сначала надо создать какой-то орган типа совета старейшин*. [7]; ... *опять в моду входит женщина-подросток / типа известной топ-модели Твигги / ...* [8]; */ а можно просто на глазок по некоторым основным параметрам / типа личных местоимений / ...* [9]; ... *что в процессе образования звезд из туманности не могут [...] создаваться космические тела достаточно малой массы, типа планет*. [10]; *Я говорю о более серьезных преступлениях, типа драки*. [11]; ... *это религия высших разумных причин (типa христианства) и религия ...* [12]; ... *много проблем / которые опять будет решать Москва / и которые опять будут. Типа конфедерации / да*. [13] Предлог как связующее звено обращен одновременно к обоим элементам, образуя с присоединяемым им словом предложно-падежную конструкцию в функции несогласованного определения со значением сравнения. Примеры приводятся в таком количестве, чтобы проиллюстрировать меру обособления всей предложной конструкции (интонационного и графического); в последнем случае предложно-падежная конструкция превратилась в парцеллят. Нам думается, что с приобретением большей степени обособленности, семантика связи обогащается за счет оттенка экзemplификации (возможна субституция с помощью вводного слова *например*); соединяемые с помощью предлога *типа* части зачастую находятся в отношении гиперо-гипонимическом.

В заключение раздела, посвященного *типа* как предлогу, следует обратить внимание на следующие две группы контекстов: 1) *Национал от слова национализм / поэтому интересы равные. // Фашизм это типа клочки* [14]. *А что это такое / ордера? // Это типа талонов тоже? // Да*. [15]. 2) *Лет 20 назад Афганистан стремился стать светским государством типа того / что сейчас Турция / ...* [16]. *И хотя теперь уже наплывают другие тревожные события / типа того / что произошло в Тушине ...* [17] В пункте (1), по всей вероятности, речь идет о пропуске доминирующего члена синтаг-

мы в силу эллиптичности разговорной речи (словоформа после слова *типа* тут ставится в род. падеже, с которым этот предлог сочетается; пропущенный элемент можно восполнить, используя, напр., местоимения *нечто, что-то*). Случаи употребления *типа* в пункте (2) могут получить двоякую трактовку: это или сочетание предлога *типа* с указательным местоимением *тот*, содержание которого распространено с помощью придаточного предложения с относительным местоимением *что*, или в сочетании с местоимением *того* и релятивом *что* предлог *типа* мог бы превратиться в вторичный (составной) союз – *типа того, что*.

Переходя к рассмотрению следующей группы контекстов, в которых форма *типа* выступает, главным образом, в качестве частицы, приведем еще два примера, интересных как раз с точки зрения переходности: *И сделали сверток такой / **типа** торт / туда положили две книжки и оставили в автобусе.* [18] *Мне кажется / это важнее / чем продвигать свои / пусть даже очень хорошие идеи / **типа** российские инновационные офшоры и так далее.* [19] В отличие от перечисленных выше случаев словечко *типа* вместе со следующими за ним выражениями предложно-падежную конструкцию не образует (нулевая формальная связь), служа, таким образом, частицей. С определенной долей условности на этих примерах можно демонстрировать процесс конверсии, по которому, по всей вероятности, рассматриваемое нами словцо прошло.

Последний большой раздел посвящен словоформе *типа*, употребление которой имеет характер частицы (или модального слова). Подлинная форма подверглась полной десемантизации, лишена морфологических категорий, синтаксических функций, формальной связи со структурой окружающего ее контекста, не выступает в качестве члена предложения. Она способна модифицировать значение отдельных слов с разной частеречной характеристикой, даже словосочетаний и предложений; допустима ее препозиция и постпозиция. В области обособления (интонационного и графического) примеры не дают однозначных результатов. Благодаря десемантизации, она способна передавать модально-смысловые и прагматические оттенки, напр., неопределенность, неуверенность, цитатность, иронию. Факт, что ею передаются указанные смысловые оттенки, можно подтвердить путем субституции данных выражений другими (первичными) средствами *некий, некоторый, может быть, мол, говорят, вроде (бы), например*. Примеры: *А там **типа** пацифисты / альтернативная служба / чего-то такое сейчас есть.* [20] *... есть куча мелких сошек / которые изображают **типа** борьбу / подписи собирают ....* [21] *Такая известная личность **типа**.* [22] *И все эти лидеры как-то **типа** извиняются перед ним.* [23] *Там **типа**.* [24] *... полунамеком говорить о том / что **типа** сам виноват / ...* [25] ***Типа** надо было передавать его из поколения в поколение.* [26] ***Типа** / они у нас очень хорошо покупали.* [27] *У нас если есть какие-то блага / мы не всегда их сейчас используем / **типа** / дома отдыха / санатории / лечебные учреждения.* [28] *... они открыли другое дело против меня / **типа** я помогаю чеченцам / финансирую ...* [29] *Т.е. там такие были отношения / **типа** мы до тебя два года служили / а ты*

полтора ... [30] В последних двух примерах *типа* служит и средством логико-смысловой связи отдельных частей высказывания, являясь своего рода союзом, синонимом *вроде* или *вроде бы*. Пункт [22] является отличным примером свойства частиц комбинироваться друг с другом [Сиротинина 2003] с целью усиления передаваемого ими смыслового оттенка. В предложении [28] *типа* приобретает характер вводного слова *например*.

О популярности данного средства выражения неопределенности, неуверенности, ироничности свидетельствует наличие его в составе заглавий комментариев на форумах или блогах. Напр., *Ну типа мои рисунки разные* [31]; *Типа оракул* [32]; *One size fits all – типа портрет* [33]; *типа музыка* [34]; *Типа инвестиция – купил домен* [35]; *Типа веселоооо!!!!* [36]; *Типа библиотека* [37]; *Ну типа блог* [38]; *Типа привет* [39]; *Типа моя первая запись в новом суперкрутейшем блоге!!!* [40]; *Типа переПИСКА...:*) [41]; *Типа приветствие* [42]; *Типа тест* [43]; *Типа введение* [44]; *Типа притча* [45]; *Типа эпилепсия)))* [46]; *Новый мальчик, типа дрейф* [47]. *Типа* вошло и в название одного популярного фильма «*Типа крутые легавые*». Нам кажется, что на основании данных контекстов его можно определить и как стилистико-текстовое средство введения новой информации с оттенком неуверенности говорящего в своем высказывании, его ироничности.

На самый конец мы оставили случаи, когда слово *типа* употребляется в качестве заполнителя пауз, т.е. слова-паразита (слова-сорняка). Полностью опущенное, оно не несет никакой смысловой нагрузки, будучи несвязанным с окружающим его контекстом ни формально, ни семантически, следовательно, вполне избыточным. Напр., *А вы не задавали вопрос / почему эта девушка / типа / которая любила / пошла к этому парню*. [48] *Или... типа... вот такое... жихарь что такое... знаете, это... ну... как бы здоровой он-вот это слово какой*. [49] *Вчера я смотрел / вот что-то там говорили / было там типа тема такая / говорят / что наемники поступают в Ирак / ...* [50]

4. Вместо заключения. Данная статья ни в коем случае не претендует на всеобъемлющий охват темы, окончательность. Мы поставили основной ее целью показать на одном примере неоднозначность, диффузность многих участков языка, главным образом, в системе разговорной речи, которые трудно поддаются определению, точной классификации. Размышления над словом *типа* можно, безусловно, продолжать, найти и другие контексты, оттенки значения, сопоставить с другими языками. Думается, что только время, сам язык и вместе с ним его пользователи дадут ответ на то, по какому пути пройдет тот или другой элемент, что останется, и что, наоборот, будет вытеснено.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ ТИП, -а, м. 1. (вин. п. тип). Форма, вид чего-н., обладающие определенными признаками, а также образец, к-рому соответствует известная группа предметов, явлений. Типы рельефов. Славянский т. лица. Т. автомобиля. 2. (вин. п. тип). Высшее подразделение в систематике животных, объединяющее близкие по происхождению классы. 3. (вин. п. тип). Разряд, категория людей, объединенных общностью каких-н. внешних или внутренних черт. Он очень замкнут – я не люблю людей этого типа. 4. (вин. п. тип). Образ, содержащий характерные, обобщенные черты какой-н. группы людей. Гоголевские типы в русской литературе. 5. (вин. п. типа). Человек, отличающийся какими-н. характерными свойствами, приметам (чаще отрицательными) (разг.). Забавный т. Отвратительный

т. Приходил какой-то странный т. Ну и т. ты! (осуждение). б. типа кого-чего, в знач. предлога с род. п. вроде, наподобие кого-чего-н. Устройство типа центрифуги. Гостиница типа пансионата. Люди типа Самгина.

² Между прочим, установка на неуверенность, неопределенность – это одна из коренных черт русской души, русского характера в общем, которая находит свое отражение в огромном количестве языковых приемов выражения неопределенности (неопределенное количество, неопределенность времени и т.п.). [Северская]

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

[2 – 30; 48 – 50] – www.ruscorpora.ru

[1] <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2245&level1=main&level2=articles>

[31] <http://www.pratchett.info/forum/index.php?showtopic=1200&st=15>

[32] <http://www.fraza.ua/news/09.08.08/53968.html>

[33] <http://semas.livejournal.com/670029.html>

[34] <http://www.petrovich.ru/music/>

[35] <http://ivanov.in/seo/kinda-investment/>

[36] http://www.blogtv.com/Shows/201326/Zm_tZu7Eae3Gb2Pvb_&pos=ancr

[37] http://www.developing.ru/com/type_library.html

[38] <http://aeterna.ru/userpost.php?%CA%D0%Co%C1&post=41784>

[39] <http://obnal.biz/2007/07/tipa-privet/>

[40] <http://adminnet.ru/?p=13>

[41] <http://www.majesty.ru/blog/ndiezel/index.php?showentry=952>

[42] <http://role-games.moy.su/blog/2007-03-14-1>

[43] <http://inf.by/chiffa/1>

[44] <http://avtor.net.ru/page-id-5993.html>

[45] http://www.seotxt.com/blogs/review/2007_08_17_18_2392/full_news

[46] <http://www.odintsovo.info/white/blog.asp?id=1718>

[47] <http://tochek.net/index.php?automodule=blog&blogid=45&showentry=215>

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАБАЙЦЕВА, В.В., НИКОЛИНА, Н.А., ЧЕСНОКОВА, Л.Д. (2006) [СРЯ]: *Современный русский язык.*

Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия».

БУТОРИНА, Е.: *А поговорить? Интернет как лингвистический феномен.* URL: <http://www.npi.ru/mirmedia/but.htm>.

ЗЕМСКАЯ, Е.А. (1987): *Русская разговорная речь.* М.: «Русский язык».

ВЕЛИЧКО, А.В. (ред.) (2004) [КоГ]: *Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие – 2-е изд., испр., доп. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.*

КОТЛЯЧКОВ, А.В. (01.12.2008): *О пользе слов-паразитов.* URL: <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1353>

ЛЕВОНТИНА, И.Б. (2004): *О словах паразитах.* URL: <http://rus.1september.ru/2004/15/1.htm>

ЛУКИН, Е. (2000): *Заметки национал-лингвиста.* URL: http://www.rusf.ru/lukin/books/tipa_artikl.htm

МОСКВИН, В.П. (2005): *Разговорный стиль как система.* In: *Русская речь, 4/2005.*

НАЗАРЕНКО, А. (2002): *Слова-паразиты.* URL: <http://andrein.h1.ru/parazit.htm>

НОВИКОВ, В. (1998): *Ноблесс оближ. О нашем речевом поведении.* Новый мир. N 1.

ПАНКОВ, Ф.И. (2004): *Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы близко).*

In: В.В. Красных, А.И. Изотов (отв. ред.). *Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. Вып. 28.* М. МАКС Пресс.

ПАНКОВ, Ф.И. (2005): *Проблема бифункциональности предлогов и наречий.* In: Анатолий Загнітко (наук. ред.), *Лінгвістичні студії: Зб. Наук. праць.* Выпуск 13. Донецьк: ДоНУ. – С. 88-96.

Разговорная речь (РР). URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009206/1009206a1.htm>

СИРОТИНИНА, О.Б. (2003): *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / грамматика.* М.: Издательство научной и учебной литературы.

СЕВЕРСКАЯ, О.: *Слова-паразиты.* URL: <http://nauka.relis.ru/27/0405/27405046.htm>

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/t/tin.html>

Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой URL: <http://www.slovoedia.com/>

15/210-46.html

ТРОФИМОВА, Г.Н. (2004): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. М.: Издательство РУДН.

ФОМЕНКО, Ю.В. (2004): *Слова-сорняки в современной русской речи*. In: *Techné grammatike* (Искусство грамматики). Вып. 1. Новосибирск. С. 530-534 URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/fomenko-04.htm>

Этимологический русскоязычный словарь Фасмера. URL: <http://www.slovopedia.com/22/210/16432-96.html>

ZDEŇKA VYCHODILOVÁ

*Česká republika, Olomouc***“ZUM BEFEHL, HERR OBERLEUTNANT” ANEB VÍCE-
JAZYČNOST V HAŠKOVĚ ŠVEJKOVI Z TRANSLATOLO-
GICKÉHO POHLEDU****ABSTRACT:**

In her paper the author deals with possibilities and ways of translating foreign-language expressions from Czech into Russian in Jaroslav Hašek's novel *The Fateful Adventures of the Good Soldier Švejk* (During the World War). She comes to the conclusion that the main role of the foreign-language elements in the original Czech version of this novel, the role of inducing comical effects, is considerably reduced in this translation. The reasons for this are both objective – possibilities of manipulating foreign-language elements, especially those of German origin, are in Russian not as rich as in Czech – and subjective – the translator has not taken full advantage of all translation strategies available to compensate this disadvantage. The translated text is therefore, if compared with the original, leveled out both semantically and stylistically.

KEY WORDS:

Translation – translation of foreign-language lexicum – multilinguality – foreign-language elements in text – Germanism – the comic – the comic in language – Jaroslav Hašek – *The Good Soldier Švejk*.

АБСТРАКТ:

Предметом исследования настоящей статьи является анализ иноязычных элементов в тексте романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» с точки зрения способов их перевода на русский язык. Самым частым переводческим подходом, применяемым переводчиком при опосредствовании иноязычных элементов (в случае Швейка, главным образом, германизмов и венгризмов) на русский язык, является приведение данных выражений на языке оригинала и последовательный перевод их смысла в виде подстрочного примечания, даже в тех случаях, когда дело касается самых простых и повторяющихся реплик (типа *Halt! Melde gehorsam!* и т.п.). Переводчик идет таким образом навстречу иному культурно-историческому опыту и иной культурно-коммуникационной базе русскоязычного читателя. Текст перевода в целом характеризуется по сравнению с текстом оригинала большей эвфемичностью, которой достигается за счет генерализации или эвфемизации многих вульгаризмов и замены стилистически сниженных выражений литературной лексикой. Главная функция иноязычной лексики (в частности, германизмов), т.е. функция создания комического эффекта, в тексте перевода не могла быть в достаточной степени реализована. Текст перевода, таким образом, преимущественно по объективным причинам (русский язык не обладает эквивалентными морфосемантическими средствами обращения с иноязычной лексикой), а отчасти из-за недостаточного использования подходящих переводческих стратегий (в том числе компенсации другими средствами), нивелирован в стилистическом и семантическом отношении.

Ключевые слова:

Перевод – перевод иноязычной лексики – многоязычие – иноязычные элементы в тексте – германизмы – Ярослав Гашек – комизм – Похождения бравого солдата Швейка.

O jazyce Haškova nejslavnějšího románu *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* i jeho pokračování z pera Karla Vaňka (Švejk v ruském zajetí a v revoluci I, II) toho bylo napsáno již hodně (za všechny uvedme např. zásadní monografii Radko Pytlíka¹ nebo známou stať Františka Daneše v *Naší řeči* [Daneš:1954]. Samo téma vícejazyčnosti v umělecké literatuře monograficky zpracoval Petr Mareš [Mareš 2003], problematika překládání však v jeho monografii prakticky zahrnuta není.²

Cílem zkoumání tohoto příspěvku je tedy zjistit, jak se s cizojazyčnými výrazy, větami a texty začleněnými do mateřského jazyka, tj. do češtiny, vyrovnává překladatel při převodu do ruštiny. Konkrétně pak zda, popř. do jaké míry se mu daří transponovat specifčnost Haškova autorského rukopisu na tomto poli a tím také charakter působení textu na ruského čtenáře. V obecnější rovině hledáme odpověď na otázku, zda lze vysledovat určité zákonitosti mezi funkcí / formou jinojazyčného vyjádření a způsobem jeho převodu do cizího jazyka, v našem případě do ruštiny.³

V Haškově románu je cizojazyčný element reprezentován především němčinou (podle našeho odhadu v cca 90 %). A to němčinou jak v její spisovné podobě, tak především v podobě zkomolené a jako stavebního prvku četných hybridních – německo-českých výrazů a slangových výrazů a žargonismů německého původu. Druhé místo co do četnosti výskytu zaujímá maďarština, v malé míře se vyskytuje také polština, ruština, srbština a chorvatština, též latina a italština (nevyključujeme ani další jazyky).

Již na první pohled je zřejmé, že Hašek nakládá s cizojazyčnými prvky v textu několikerým způsobem:

1. Rodilým Němcům, jež reprezentují německy mluvící důstojníci, zpravidla vkládá do úst spisovnou, popř. hovorovou němčinu, jejich výroky cituje převážně v přímé řeči a pro čtenáře je ponechává bez překladu. (/poručík Dub:/ *“Ich melde gehorsam, Herr Generalmajor, der Mann ist blödsinnig und als Idiot bekannt, saghafter Dummkopf.”*; Nepřeloženy zůstávají také texty cizojazyčných popěvků, nápisů a úředních formulí. (*divaje se na nápis “Nicht klopfen!”*; s poznámkou *“Politisch verdächtig! Vorsicht!”*).

2. Na jiných místech německé pasáže (jde zpravidla o méně rozsáhlé promluvy) vzápětí autor parafrázuje či překládá do češtiny nebo naopak.

3. Autor zhusta mísí české a německé prvky v jedné promluvě (ať jde o vypravěčské pásmo nebo o přímou řeč postav), přičemž německé lexémy bývají většinou komoleny a deformovány. Tento často nečekaný a překvapivý kontrast bývá zdrojem určitého jazykového napětí v textu, komického efektu, ironie, sarkasmu, atd. (podrobněji srov. dále).

4. Tam, kde autor nepovažuje citaci výpovědi v cizím jazyce za relevantní, uvádí jen český překlad a opatřuje text pouze upozorněním pod čarou (*„Všechny rozmluvy důstojníků s důstojníky se přirozeně konají v jazyku německém.“* (331)) nebo vnitřní vysvětlivkou v samotném textu (*„Text pod šibenicí, v překladě: GREY. Na šibenici v příjemné výši měl by se houpat Edward Grey, ...“* (331-332)).

Užívání cizojazyčných prvků je v Haškově textu vysoce funkční a transfer těchto funkcí do cílového jazyka v pokud možno nezměněné podobě je jedním z klíčových momentů překladu a měl by být překladatelovou prvořadou snahou.

Cizojazyčné prvky ve všech svých formálních podobách fungují ve Švejkovi primárně jako **prostředky navození komického efektu**. Na tuto základní rovinu se pak navrstvují funkce další, jako je např. funkce charakterizační, stylotvorná, funkce navození atmosféry prostředí Rakousko-Uherské monarchie a mnohé další. Komické účinky jsou naopak potlačeny tam, kde němčina vystupuje jako oficiální prostředek komunikace v rakousko-uherské armádě a administrativě a prvotně slouží k vyjádření společenské hierarchizace jednajících postav.

V dalším výkladu se na několika vybraných funkčních okruzích cizojazyčných prvků pokusíme ukázat a zhodnotit shody a rozdílnosti v postavení vícejazyčnosti v textu Haškova originálu Dobrého vojáka Švejka a Bogatyřevova ruského překladu⁴.

Vícejazyčnost jako nástroj komického efektu

Jak jsme již uvedli, základní funkcí cizojazyčných promluv (vesměs německých) je v Haškově románu jejich využití jako jazykového nástroje **komičnosti** ve všech jejích podobách, zejména v postavovém, ale i ve vypravěčském pásmu. Jako doprovodný jev funguje komično téměř ve všech případech i tam, kde je primární funkce užití cizojazyčného prvku jiná. Nejfrekventovanější je v řeči samotné hlavní postavy, a to nejčastěji v podobě morfologicky a foneticky deformované. Švejk tak naznačuje, že se s německým jazykem neidentifikuje, a komolením dává najevo širokou škálu nuancí svého vztahu k pojmenovávané skutečnosti.

V porovnávacím česko-ruském pohledu můžeme Švejkovy zkomoleniny rozdělit do několika skupin:

a) Ruština disponuje analogickým výrazem taktéž přejatým z němčiny a překladatel jej volí jako funkční ekvivalent. Velmi často jde o vojenskou terminologii rakousko-uherského mocnářství, pro kterou překladatel nachází přímé ekvivalenty ve vojenském žargonu carské armády: typ *obrfeldkurát* – *овер-фельдкурат*, *na hauptvaše* – *наauptвахте*, *masný ze supy* – *жир с супа*, *podle maršrúty* – *согласно маршруты*, *bataliónní ordonanc* – *батальонный ординарец* apod.

b) Ruština ve svém slovníku analog německého původu nemá, odpovídající významový ekvivalent etymologicky spadá do slovanského lexika, popř. je překladatel nucen převést význam opisem: *votvřenej fršlús* – *курок на боевом взводе*; *do gefechtu* – *в бою*; *kvérgrify* – *ружейные приемы*; *překládáš haksny na místě* – *ты должен топтаться на месте*; *frpflégung* – *довольствие*; *lénung* – *жалованье*; *švarnty* – *взводы*; *v době rastu* – *во время отдыха*; *ajznboňáci* – *железнодорожники*; *u erkepckuskomanda* – *в дополнительной команде запасных*; *rechnungsfeldvébl* – *старший писарь*; *regimentsarct* – *полковый врач* atd.

c) Čeština je Švejkovými ústy schopna tvořit celou škálu substandardních odvozenin od německých základů, které překladatel nebyl schopen transponovat do ruštiny – dokázal vytvořit pouze spisovné, stylisticky neutrální ekvivalenty a někdy dokonce celé pojmenování zcela vypustil: *marškumpanie*, *marškumpračka*, *kumpračka*, *marška* – *маршевая рота*, *рота*, ∇; *maršbatalion*, *maršbaťák* – *маршевый батальон*; *ablézovat* – *сменять* atd.

Takto tvořené hybridní výrazy, jež jsou v mnoha případech Švejkovými neologismy, začleňuje do českého morfologicko-syntaktického systému, což je dalším zdro-

jem jazykové komiky, která se do ruštiny nepřenáší, srov.: ... *tak se ušetří na každým padlým vojákovu i s **culágata** 24 K 72 hal.* (496); – ..., *то мы на каждом навшем солдате **вместе с надбавками** сэкономим двадцать четыре кроны семьдесят два геллера.* (Ш2, 284)

Germanismy všech tří uvedených skupin pocházejí v češtině na rozdíl od svých překladových ekvivalentů v ruštině ze stylového substandardu (většinou jde o zkomoleniny uváděné ve fonetické podobě a morfologicky přizpůsobené češtině) a jsou zpravidla zasazeny do kontextu obecné češtiny. V ruském překladu tedy dochází k posunu směrem ke spisovnosti a text jako celek vyznívá jako stylově neutrálnější. Srov. např.: „*Poslušně hlásím, pane **rechnungsfeldvébl**, že mám tyhle papíry, který mně napsali v **regimentskanceláři**, vodevzdat vám. Je to kvůli **lénungu** a zapsání mě na **frpflegung**.*“ (276) – *Осмелюсь доложить, господин **старший писарь**, эти бумаги, выданные мне в **полковой канцелярии**, я должен отдать вам. Это насчет моего **жалованья** и зачисления на **довольствие**.* (Ш1, 403)

Deformované germanismy umístěné do kontextu spisovné češtiny navíc vytvářejí určité mezistylové napětí, které je v překladu taktéž nivelizováno, např.: „*To už se dávno vědělo,*“ *řekl k němu po cestě jednoroční dobrovolník, „že nás přeloží do Uher. Tam budou **formírovat maršbatalióny**, vojáci se vycvičí v polní střelbě,* ... (215) – *Давно было ясно, что нас переведут в Венгрию, – сказал Швейку вольноопределяющийся. – Там будут **формировать маршевые батальоны**, а наши солдаты тем временем жаловаться в стрельбе ...* (Ш1, 310)

V další ukázce je nástrojem humoru **makaronské mísení tří jazyků** – češtiny – němčiny a maďarštiny. Překladatel schéma makaronské promluvy kopíruje, pod čarou však uvádí její doslovný překlad do ruštiny, podle našeho názoru poněkud zbytečně, neboť přesný sémantický obsah výpovědi je až druhotný a hrubý význam by čtenář byl jistě schopen odhadnout i bez této nápovědy:

*Muž vstoupil do vozu. „Von umí trochu německy,“ poznamenal Švejka, „a rozumí všem nadávkám a také sám umí obstojně německy nadávat.“ – „**Also zehn Gulden,**“ obrátil se na muže, „**fünf Gulden Henne, fünf Auge. Öt forint, видиш, kikiriki, öt forint kukuk, igen?** Tady je štábsvagón, zloději. Dej sem slepici!“; ... a pak ho vystrčil z vagónu, podav mu přátelsky ruku, kterou potřásl silně: „**Jó napot, barátom, adieu,** lez ku své bábě.“ (372)*

*Мужчина вошел в вагон. – Он немножко говорит по-немецки, – сообщил Швейк, – понимает все ругательства и сам вполне прилично может обложиться по-немецки. – **Also zehn Gulden,** – обратился он к мужчине. – **Fünf Gulden Henne, fünf Auge, Öt forint,** – видишь, кукареку. **öt forint kukuk, igen!**¹. Здесь **штабной вагон**, понимаешь, жулик? Давай сюда курицу!*

Pod čarou: ¹*Итак, десять гульденов... Пять гульденов курица, пять – глаз. Пять форинтов кукареку, пять форинтов глаз, да? (нем. и венгерск.).* (Ш2, 102-103)

Další příklady demonstrují primární **uplatnění němčiny jako nástroje ironie a sarkasmu**. K naznačení strnule byrokratického rázu rakousko-uherské ad-

ministrativy a poměrů v armádě používá Hašek kuriózně konstruované německé složeniny, které ruská slovtvorba dost dobře není schopna reprodukovat. Ze strany překladatele není patrna snaha kompenzovat tuto formu jazykového komična jinými prostředky, konotační aspekty se ztrácejí a většina takto přeložených výpovědí vyznívá jako stylově zcela neutrální, např.:

*Pane hejtmane, vy musíte jmenovati v bataliónu **batalionsgeschichtsschreibra**. (Ш2, 95) – Господин капитан, вы должны выделить **исторюографа батальона**. (Ш2, 95) – ... *abych si dal potvrdit **kompanieverpflegungsbuch** (274); ... принес на подпись **ротную продовольственную книгу** (Ш, 401); **ein-jährigfreiwilligenschule** – учебная команда вольноопределяющихся* apod.*

Primárně komunikační funkce víceznačnosti

Cizojazyčný prvek je mnohdy nástrojem realizace úsilí mluvčích o společnou dorozumívací řeč. Jako častý výrazový prvek snahy dorozumět se s jinojazyčným mluvčím vystupují promluvy s různě zkomolenými slovy; deformace jsou způsobeny nedostatečným zvládnutím cizího jazyka a substrát mateřštiny silně prostupuje v podobě fonologicko-morfologických interferencí, což opět vyznívá komicky.

Klasický příklad nacházíme v křiku polského strážného, který si navíc plete dvě velmi podobná německá slovesa s velmi rozdílným významem, na čemž je vystavěn komický efekt:

... a neznalý dokonale německého jazyka, užil podivné směsi polštiny s němčinou, křiče: „Benže šajsn, benže šajsn.“ (389)

... и, не зная как следует немецкого языка, заорал на смешанном польско-немецком языке: «Бенже шайсн, бенже шайсн»

Pod čarou: *¹Буду стрелять! (Солдат-поляк плохо говорит по-немецки, и у него выходит scheizen вместо schiezen, то есть ср...ть вместо стрелять.) (Ш2, 129)*

Zatímco v originále autor tak jako ve většině případů spoléhá na čtenářovu orientaci v situaci cizojazyčné promluvy, překladatel Polákovu německou repliku (v azbuce taktéž přepsána foneticky) opět přeložil pod čarou a kromě toho čtenáři explicitně vysvětlil jazykový mechanismus komičnosti s tím, že vulgární výraz je zčásti vytečkován. V tomto případě je pravděpodobně vysvětlení na místě, ruský čtenář neznalý němčiny by tuto nuanci nemusel pochopit.

Charakterizační a hierarchizační funkce cizojazyčnosti

Jinojazyčné prvky ve Švejtkovi také poukazují na národnost mluvčích a současně mohou být ukazatelem jejich společenského statusu (důstojníci rakouské armády, rakousko-uherská šlechta atd.). Navíc bývá přítomen i aspekt hodnotový, jazyková specifika se podílejí na vyjadřování předsudků o příslušnících různých národů (zejm. polského a bosenského), do úst je jim vkládáno mnohdy silně vulgární, často sexuální motivované lexikum (tady asi platí, že vulgární a tabuizované výrazy bývají přijatelnější v cizích jazycích než v jazyci mateřském). „*Byl jsi už na latrině?*“ – „*Nebyl, poslušně hlásím, pane generálmajor.*“; „*Proč jsi nešel srát s ostatními menži?*“ (364)

V ruském překladu je dialog značně zjemněn, vulgarismy jsou substituovány „nezávadným“ výrazem, zobecněny nebo zcela vynechány (tím se navíc stírá charakterizační prvek signalizující polskou národnost mluvčího):

Ты уже был в отхожем месте? – Нукак нет, не был, господин генерал-майор.; – Отчего ты не пошел с другими солдатами? (Ш2, 9)

Bosňáci již dva dni nefasovali mináž a chodili žebrat chleba po Nové Pešti. Také nebylo nic jiného slyšet nežli rozčilený hovor ztracených Bosňáků, živě gestikulujících, kteří vyrazili neustále ze sebe: „Jebem ti boga – jebem ti dušu, jebem ti majku.“ (357)

Босняки целых два дня не получали обеда и ходили в Новый Пешт христардничать. Здесь, кроме злобной материцины возмущенно жестикулирующих, брошенных на произвол судьбы босняков, ничего не было слышно. (Ш2, 82)

Tendenci k eufemizaci můžeme zobecnit jako charakterizační rys ruského překladu Švejka jako celku.

V další ukázce slouží cizojazyčné vyjadřování jako podpůrný argumentační prvek při demonstrování domnělých typických rysů příslušníka určitého národa, v tomto případě Itala: „Cožpak Itálie, to je pěkná země,“ prohodil kuchař Jurajda, „já jsem byl jednou v Benátkách a vím, že Talián nazve každého prasetem. Když se rozčílí, je u něho každéj **porco maladetto**. I papež je u něho **porco**, i **‘madonna mia è porco’**, **‘papa è porco’**.“ (350)

Doslovný překlad italské pasáže v ruském textu je podle našeho názoru opět redundantní: *Я был раз в Венеции и знаю, что итальянец каждого называет свиньей. Когда он рассердится, все у него «porco maladetto»¹. И papa римский у него «porco»² и «madonna mia è porco»³, papa è porco»⁴.*

Pod čarou: ¹Проклятая свинья (итал.); ²Свинья (итал.); ³Мадонна моя свинья (итал.); ⁴Папа свинья (итал.) (Ш2, 74)

Podobnou charakterizační funkci má také **zkomolená čeština** v podání cizince. Srov. např. notoricky známou scénu návštěvy baronky von Botzenheim u Švejka nemocničního lůžka. V barončině dikci Hašek výborně paroduje a karikuje češtinu německé příslušnice rakouské šlechty: *Baronka von Botzenheim posadila se na připravenou židli k Švejkově posteli a řekla: „Cešky fójak, toprá fójak, kripfójak pýt tapferfójak, moc rát měl cešky Rakušan.“*

Přítom hladila Švejka po neholené tváři a pokračovala:

„Já číst všekno f nófiny, já vám pšínest pápat, kousat, kuřit, cúcat, cešky fójak, toprá fójak. Johann, kommen Sie her!“ (55)

Ruština poskytuje v tomto případě dostatek kompenzačních možností, kterých překladatel v dostatečné míře využil. Překládá přímo v textu do ruštiny deformované ve zvukovém plánu (opět přepsáno foneticky):

Баронесса фон Боценгейм села на приставленный к постели Швейка стул и сказала: – Ческий зольдат, кароший зольдат. Я очень любилъ ческий австриец. – При этом она гладила Швейка по его небритому лицу. – Я читаль все в газете, я вам принесля кушать: «ам-ам»: курить, сосать... Ческий зольдат, бравый зольдат! Johann, kommen Sie her!

Pod čarou: *1Иоганн, подойдите! (нем.)* (Ш1,75)

Podobně funguje čeština v ústech Poláka, opět s výraznými prvky česko-polské interference:

„Dobrže,“ řekl generál, který byl Polák a znal trochu česky, „ty rzveš na sena jako krawa. Stul pysk, drž gubu, nebuč!“ (364)

Добже, – сказал генерал по-чешски. Он был поляк, знавший немного по-чешски. – Ты ржеवेशь, как корова на сено. Молчи, заткни глотку! Не мычи! (92)

Tentokrát překladatel sahá po překladatelském postupu, ke kterému se uchyluje jen zřídka, a to k dovysvětlení významu formou tzv. vnitřní vysvětlivky v rámci autorské repliky (*по-чешски*). Co do stupně expresivity je ruská promluva víceméně srovnatelná s českou, v tomto případě překladatel na intenzitě neubírá.

Komolení podléhá také čeština německých důstojníků. Charakterizační funkce se prolíná se silným groteskním účinkem s karikaturním vyzněním. Znovu si všimněme, jak mistrně Hašek reprodukuje foneticko-morfologické příznaky tzv. „německé“ češtiny:

„Мéděnej závšít, Méděnej né závšít, Ólofěnej závšít, Cínovej závšít!“ [...] „Ták ty mně neujít, ty mně nejít nikam neutěct, teď zas žíkat, žeš Šélesný, a já furt žíkat Médený, ty Misvieh, du Schwein, du Šélesný!“ (388)

V ruštině se komického efektu opět podle možností dosahuje na úrovni foneticko-morfologických deformací:

«Метный запереть!», «Метный не запереть!», «Сфинцовый запереть!», «Олофьянный запереть!» [...] «Ты мне не уйти, ты мне никуда не уйти, не удрать, ты опять говорить, что Шелесный, а я все говорил Метный, Олофьянный, Сфинцовый. Он Шелесный, потзаборник, а он Шелесный, я тебе научиль, Сфинцовый, Олофьянный, Метный, ты Миствиеh¹, du Schwein², ты Шелесный».

Pod čarou: *1Грязная скотина (нем.). 2 Ты свинья (нем.)* (Ш2, 126 - 127)

V další ukázce je pro obeznámeného čtenáře přítomen ještě politický podtext, ovšem pouze v českém originále, vysvětlivka ruského překladatele je v tomto ohledu nedostatečná: *Rozhovořil se o [...] a o politických událostech a o tom, že padesát procent českých vojáků je 'politisch verdächtig'.*

„Jawohl, meine Herren, **der Kramarsch, Scheiner und Klófatsch.**“ (288)

Он разговорился об [...] и о том, что пятьдесят процентов чешских солдат *politisch verdächtig*¹.

– *Jawohl, meine Herren, der Kramarsch, Scheiner und Klófatsch...*²

Pod čarou: *1Политически неблагонадежны (нем.); 2 Да, господа, Крамарж, Шейнер и Клофач... (нем.)*

* *Крамарж, Шейнер и Клофач – чешские политические деятели буржуазных партий.* (Ш1, 419)

„Kulturní funkce“ cizojazyčných prvků

Funkci v širokém smyslu kulturní plní citáty, aluze, ustálené obraty, více či méně zakotvené v povědomí příslušníků určitého společenství. Zde je v obou jazycích využíváno komických účinků deformace pro naznačení kulturní cizosti: „**Ne pony-**

mat, já krymsky Tatárin, Allah achper. “Tatar sedl si, zkrříživ nohy, na zem, složiv ruce na hrud', začal se modlit: „**Allah achper – Allah achper – bezmila – arachman - arachim – málinkin mustafír.**“

Švejk obrátil se na druhého zajatce: “Ty seš taky Tatar?” Oslovený porozuměl slovu Tatar, zavrtěl hlavou: „**Tatárin net, Čerkes, rodneja Čerkes, golovy režu.** (456)

*Татарин сел на землю и, скрестив ноги и сложив руки на груди, начал молиться: «**Аллах ахпер – аллацх ахпер – безмила – арахман – малинкин мустафир.**».* (...)*

Швейк обратился к другому пленному: – Ты тоже татарин?

*Спрошенный понял слово «татарин» и покачал головой: **Татарин нет, черкес, мой родной черкес, секим баука.*** (III2, 226)

Ve vysvětlivkách na konci knihy:

*Мусульманская молитва на арабском языке. Перевод: «Аллах велик, аллах велик. Именем аллаха милостивого, милосердного. Владыка загробной жизни...»

Domníváme se, že věcně pojmenovávací funkce slov modlitby je v rámci kontextu irelevantní, jejich přesný překlad možná stírá pel určité tajemnosti a bere čtenáři možnost vlastního interpretačního přístupu. Naopak jako šťastné řešení hodnotíme záměnu sousloví **golovy režu** žertovným **секим баука**.

Další příklad je ukázkou jedné z mála překladatelských kompenzací domácí reálie reálií cizí (tzv. naturalizace):

*Máte už brotsaky? Prej teď bude zvýšenej léunk? Hraješ **frische viere?** (290)*

*У вас уже есть вещевые мешки? Говорят, жалованые повысят? А ты играешь **в три листика?** (III1, 422)*

Cizojazyčný prvek jako stavební element slovní hříčky

V Haškově textu najdeme i sporadické případy fungování cizojazyčných prvků jako komponentů slovních hříček, srov. např.:

*... a tam byl nějakej obrst Fliedler **von Bumerang nebo tak nějank.**“ (387)*

Ruský překlad je ukázkou velmi zdařilé kompenzace slovní hříčky založené na rýmu:

*Был тогда у нас полковник то ли Флидлер **фон Бумеранг, то ли другой какой «ранг».** (III2, 125)*

Funkce ruštiny jakožto cizojazyčného prvku

V závěru si ještě stručně všimněme, zda a v jakých souvislostech užívá Hašek rusismů a ruštiny. Zde je třeba rozlišovat minimálně tyto jejich funkce:

a) **rusismy lexikálně-gramatické** (většinou interferenčního původu): *protivopoložený účastek, vezmu si komandyrovku, znáš, kde bydlím, železná dráha, začísliť, nazvání, nacionálnost, Monaky ...; přihlásil se dobrovolně na front, publika, divisijní, formírovat, ...; Ještě když se Švejk živil prodejem psů **do vojny**; přišel rozkaz **po armádě, ...; dopis, ve kterém jsem celou svou theorii vyložil o ořešníku; Nyní mně přečtete úřední překlad z maďarštiny článku a d.***

b) **rusismy reáliové:** *furažka, běželec*, ... Tyto rysy Haškova stylu při překladu do ruštiny samozřejmě zanikají.

c) **ruštinu užitou funkčně:** „*Nezapomeňte, až budete na ruské straně, říct hned k Rusům: „Zdrávkujte, ruskije bratřa, my bratřa Čechi, my nět Avstrijci.“* (268) Do ruského překladu bylo převzato doslovně, i s funkční chybou (*мы нет австрийцы* místo správného *мы не австрийцы*), ovšem v pravopisně správné podobě s malými písmeny v názvech příslušníků národů: – *Не забудьте, когда будете на русской стороне, сразу же сказать русским: «Здравствуйте, русские братья, мы братья чехи, мы нет австрийцы».* (III, 392)

Závěr

Přestože překladatelova snaha po funkčně ekvivalentním převodu cizojazyčných prvků z výchozího do cílového jazyka je zjevná, musíme konstatovat, že mnohá jeho řešení nefungují jako pragmaticky adekvátní, což má negativní důsledky pro konečné vyznění textu románu jako celku. Mnohé z funkcí cizojazyčných prvků nezůstávají v překladech Haškova románu plně zachovány, resp. nejsou v dostatečné míře adekvátně kompenzovány. Objektivní příčiny mají svůj původ v systémově-uzuálních odlišnostech zúčastněných jazyků, subjektivní spatřujeme v nedostatečném využívání vhodných překladatelských strategií.

Nejfrekventovanějším přístupem překladatele k převodu cizojazyčných pasáží je jejich následný překlad pod čarou. Vychází tak vstříc odlišné kulturně-historické zkušenosti ruského čtenáře, ovšem téměř důsledným překládáním všech, i těch nejnepatrnějších a neustále se opakujících replik, porušuje plynulost textu a možná také potenciální čtenáře zbytečně podceňuje.

Opatrný přístup k převodu vulgarismů vede k nežádoucí eufemizaci textu. Pravděpodobné důvody souvisejí s cenzurní nakladatelskou politikou minulých období a v dnešní atmosféře celkového uvolnění a liberalizace jazyka jsou bezpředmětné.

Napětí mezi deformovaným cizojazyčným (německým) výrazem a okolním kontextem, charakteristické pro text originálu, je v cílovém jazyce, kde tyto výrazy fungují ve spisovné podobě, neutralizováno, čímž dochází k zeslabení efektu komičnosti Haškova textu.

Posun stylistické charakteristiky cizojazyčných lexémů směrem ke spisovnosti (spolu s částečnou eliminací výrazových prostředků obecné češtiny a nářečních dialektů) vede kromě toho i ke stylistické neutralizaci textu a má taktéž vliv na oslabení jeho tzv. orálnosti.

I když je postavení cizojazyčného lexika z hlediska jeho funkce v Osudech dobrého vojáka Švejka velmi podstatné, tvoří jen součást bohaté škály výrazových prostředků románu. Ostatní nebyly předmětem naší pozornosti, nemůžeme proto činit závěry ohledně kvalit Bogatyjevova překladu jako celku.

Přes všechny výhrady k nakládání s cizojazyčnými výrazy se domníváme, že Bogatyjevův překlad nemůže být ani v tomto směru hodnocen jako špatný či nevyhovující. Velká část nežádoucích posunů při převodu tak specifického literárního útvaru, jakým je Haškův Švejk, byla zaviněna objektivními příčinami tkvícími v odlišnostech jazykového systému a řečového úzu a kompenzace chybějících výrazových

možností pragmaticky funkčními ekvivalenty z jiných oblastí tak byla mnohdy velmi nesnadná.

Nicméně i přes všechny tyto „handicapy“ patří *Osudy dobrého vojáka Švejka* v povědomí ruských čtenářů k nejpobulárnějším dílům české literatury všech dob a i dnes je v Rusku Hašek bezkonkurenčně nejvydávanějším a nejčtenějším českým autorem. Od svého prvního vydání v roce 1926 vycházejí Švejkovy *Osudy* s železnou pravidelností, od počátku 80. let 20. století dokonce každoročně. To však nic nemění na skutečnosti, že si tento text zaslouží, aby se stal výzvou pro konfrontaci s novým, moderním překladem.

POZNÁMKY:

¹ Kniha o Švejkovi, Praha 1983.

² Translatologické aspekty vícejazyčnosti v uměleckém textu se v české teorii překladu prozatím zkoumají dosti sporadicky; v rusisticky orientované translatologické literatuře na toto téma existuje, pokud je nám známo, pouze stať Milana Hrdličky [Hrdlička 2003], v níž autor naznačuje i cesty metodologického řešení této problematiky.

³ Ruskému čtenáři se Haškův román dostal do ruky poprvé v roce 1926, a to v překladu z němčiny (G.A. Zukkau); z češtiny jej vzápětí na to přeložil významný ruský folklorista a znalec pražského prostředí Petr Bogatyrev [1928]. V padesátých letech 20. století Bogatyrev již jako profesor Moskevské státní univerzity toto své životní překladatelské dílo důkladně zredigoval a v této podobě vychází Haškův Švejk dodnes. Je až s podivem, že román v ruském čtenářském prostředí tak populární nebyl za bezmála celé století nově přeložen. Můžeme se domnívat, že příčinou je specifčnost Haškova jazyka, která může odradit i mnohého zkušeného překladatele.

⁴ Klasifikovat funkce jinojazyčných prvků v Haškově Švejkovi nebylo naším prvořadým cílem. V tomto směru se opíráme o sekundární literaturu uvedenou v bibliografickém soupisu a klasifikace nám slouží především jako východisko pro demonstrování překladatelských postupů v analyzovaném ruském překladu.

PRAMENY:

HAŠEK, J. (2000): *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. 1. - 4. díl. Praha: Cesty.

ГАШЕК, Я. (1966): *Положения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Перевод П. Богатырева. М.: «Правда». (III1)

ГАШЕК, Я. (1966): *Положения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Перевод П. Богатырева. М.: «Правда». (III2)

POUŽITÁ LITERATURA:

DANEŠ, F. (1954): *Příspěvek k poznání jazyka a slohu Haškových „Osudů dobrého vojáka Švejka“*. Naše řeč 37, s. 124 - 139.

DVORSKÝ, L. (1984): *Repetitorium jazykové komiky*. Praha.

HRDLIČKA, M. (2003): *Jak překládat cizojazyčné pasáže v uměleckém textu*. In: Literární překlad a komunikace. Praha: ISV nakladatelství, s. 106-110

MAREŠ, P. (2003): *„Also: Nazdar!“*. *Aspekty textové vícejazyčnosti*. Praha: Karolinum.

ZATOVKAŇUK, M. (1981): *Haškovy rusismy v Osudech dobrého vojáka Švejka*. Naše řeč 64, č. 3, s. 124-132.

EVA VYSLOUŽILOVÁ

Česká republika, Olomouc

K PODSYSTÉMU NOVÉ RUSKÉ SPORTOVNÍ TERMINOLOGIE

ABSTRACT:

The article is focused in the synchronous level of the sport terminology subsystem (SST), namely in the adopted terms of the latest period. Two big centers of adoption are stated – English and eastern languages, beside the other ones. The term is determined in a horizontal level by two relations: 1. towards the general word-stock (potential for de-terminology and terminology) and 2. by the relation towards other terms and term-subsystems (potential for re-terminology). Specificity of SST is given by its great dynamism and open ability towards adoptions as well as by its large comprehensibility for users. The role of journalism is mentioned, too while adopting and presenting sport terms.

KEY WORDS:

Sport terminology – adopted terms – Russian – English borrowings – eastern borrowings – determinologisation – reterminologisation – journalistic style.

АБСТРАКТ:

В статье внимание уделяется синхронному плану подсистемы терминологии спорта (СТС), прежде всего заимствованным в последнее время терминам. Приводятся два крупных центра заимствования – из английского и из восточных языков (наряду с другими иностранными языками). Горизонтальная позиция термина определена двумя отношениями: 1. к лексике литературного языка (потенциал для процессов детерминологизации и терминологизации) и к 2. остальным терминам и термино-подсистемам (потенциал для ретерминологизации). Специфика СТС дана ее большой динамичностью и открытостью по отношению к заимствованиям, заодно и высокой степенью понятности для пользователя. Упоминается и роль публицистики в процессе заимствования и применения спортивных терминов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Терминология спорта – подсистема – заимствованный термин – процессы терминологизации – детерминологизации и ретерминологизации – понятность термина.

Změna ekonomických a společensko-politických poměrů v Rusku odstartovaná obdobím perestrojky v polovině 80. let minulého století vyvolala zákonitě i v jazyce celou řadu procesů. Již tradičně citované demokratizace a liberalizace jazyka, které nejednou vedly k hlubokým až kontroverzním diskusím odborníků o povaze a potřebě normativního užívání jazyka (viz např. reakce na dotazy čtenářů na internetových

stránkách ruského serveru gramota.ru či v časopise „Russkaja reč“), se uplatňují spíše ve vztahu k ruskému spisovnému jazyku jako celku, jednotlivých podsystémů jazyka se však tyto procesy dotýkají nestejnou měrou. Lze tvrdit, že subsystémový přístup ke změnám v jazyce a jeho podíl na fungování systému jako celku, který považujeme za informativně velmi přínosný, na své komplexní odborné zhodnocení (jehož výsledkem může být např. i konstatování téměř nulového vlivu na daný systémový jev) teprve čeká. Tato skutečnost nás motivovala k volbě pojednat blíže právě o jednom dílčím subsystémovém problému, za který považujeme současnou přejatou sportovní terminologii, s přesvědčením, že právě detailnější srovnávací pohled dovolí ozřejmit shodné a rozdílné jevy v našich blízce příbuzných slovanských jazycích, které mohou mít obecnější teoretickou i praktickou platnost. Naše pozornost je zaměřena na tu část sportovní terminologie, která zahrnuje termíny přejaté z cizích jazyků v posledním období.

Je známo, že terminologické subsystémy jako nedílná součást lexika spisovného jazyka [Poštolková 1983] si ve své většině na nezáměr odborné lingvistické veřejnosti nemohou stěžovat. Dá se dokonce říci, že jsou předmětem permanentní jazykové analýzy našich i ruských lingvistů. Právě srovnávací popisy terminologie a způsobů jejího obohacování přinášejí závěry s obecnou platností. V poslední době jsou navíc rozšiřovány i selektivními srovnávanými vybraných dílčích oblastí – např. financí, které stále více akceptující klíčového konzumenta a jeho potřeby. Poznatky rusko-české srovnávací lingvistiky tak potvrzují neustále probíhající proces změn ve všech jazykových plánech, tedy v celém systému jazyka a pokud je chceme zachytit a kauzálně popsat, nemůžeme tak učinit bez systémového přístupu. Zachycené změny dále potvrzují i fakt, že jak jejich kvantita, tak i samotná kvalita v daném jazykovém plánu neovlivňují systém jako celek stejnou měrou a stejně tak se chová i jejich prezentace vně systému. Obecně přijímané závěry, že zatímco pohyb v normě např. v morfologickém plánu má dlouhodobější charakter a jeho přesný popis je právě pro značnou inertnost celého morfologického systému obtížný a vyžaduje značné badatelské úsilí, lexikální plán se chová zcela odlišně, ačkoli u obou z nich (stejně jako u subsystémů dalších) nezůstávají změny bez vlivu na kvalitu a míru porozumění v komunikaci.

V subsystému sportovní terminologie frekventovaným užíváním mnohé sportovní termíny již ve větší či menší míře zdomácněly, u některých z nich se přestal počítovat jejich přejatý původ a bereme je proto jako součást jádra slovní zásoby. Průkaznou demonstrací asimilace termínu v novém prostředí je právě naplnění jeho rekčních, valenčních a derivačních možností, které zmnožují jeho funkční uplatnění (*аэробика – аква-, данс-, оздоровительная -, прикладная -, степ -, хип-хоп -, аэробика с мячами, марафон по аэробике, заниматься аэробикой* aj). Selektivní zaměření na synchronní podobu nové sportovní terminologie, a v ní zejména na přejaté termíny, které v posledním období obohatily a neustále obohacují slovní zásobu současné ruštiny a zatím ještě „nenastoupily cestu rusifikace“, implikuje dvě zásoby v rovině horizontální: 1. vazbu k obecné slovní zásobě, k jejímu jádru i periferii (otevřená cesta pro procesy terminologizace a determinologizace) a 2. vazbu

k ostatním termínům a terminologickým subsystémům daného jazyka (otevřená cesta pro procesy reterminologizace).

Orientace naší odborné veřejnosti na angličtinu jako první cizí jazyk, k níž bezesporu přispěla i aktivizace hospodářské sféry a sfér přidružených, jež vyvolala nutnost zavést do našeho jazyka příslušná terminologická pojmenování, vyústila v přemíru překladových dvou i vícejazyčných ekonomických slovníků a znamenala i určité „poodsunutí“ lexikografického zpracování sportovního názvosloví. Poslední překladový rusko-český slovník tělovýchovných a sportovních výrazů V. Bukového vyšel v roce 1958 a zachycoval samozřejmě období předcházející s oporou na klasicky užívanou terminologii, na jejíž tvorbě měla česká odborná sportovní veřejnost nemalou zásluhu. Ten doslova kvas, který zaznamenáváme nyní ve sportovní oblasti a který si postupně nachází adekvátní místo i v terminologické prezentaci, na své rusko-české lexikografické zpracování teprve čeká, zatímco moderní anglicko-český slovník sportovních výrazů máme již několik let k dispozici [Heřmanský 2003]. Boom ve zkoumání nových (nebo inovovaných) terminologických subsystémů (např. aktivizace pojmosloví z oblasti ekonomie, financí, managementu aj.), vyvolaný tlakem nové předmětné skutečnosti, kterou bylo nutné pojmenovat, relativně utichá. Lze se domnívat, že potřeby odborníků (i široké veřejnosti) byly povětšinou uspokojivě saturovány jak odbornými pracemi, tak i početnými pracemi lexikografickými (ať už překladovými či výkladovými). Obdobné konstatování však dosud neplatí pro subsystém sportovní terminologie. Je sice pravda, že i zde jde o oblast s rychlým až překotným vývojem, s novou či podstatně inovovanou předmětnou realitou, s rozsáhlým počtem konzumentů reagujících na nové životní trendy (směřování k aktivnímu způsobu života a společenská prestiž snahy „být in“), s analogickými způsoby obohacování slovní zásoby, nicméně nezaznamenáváme zvýšený lexikografický zájem. Motivem zkoumat sportovní terminologii jako subsystém byla pro nás, jak jsme naznačili výše, právě skutečnost, že v porovnání s ostatními terminosubsystemy je sportovní terminologii v rusko-českém zpracování věnována zatím nedostatečná pozornost, i když i tento subsystém prochází obdobnými změnami jako subsystémy ostatní a zaznamenává celou řadu změn. Zatím tedy zůstává skutečností, že podsystém ruské sportovní terminologie bývá velmi zřídka předmětem analýzy v českých odborných časopisech, netěší se – na rozdíl od angličtiny – ani velké pozornosti lexikografů.

Zamyšlení nad důvody, proč se odborníci nevěnují hlubšímu a permanentnímu sledování sportovní terminologie, by mělo ryze spekulativní charakter. Odpovědět na tuto otázku stěží lze bez solidního ověření a zhodnocení každého z nich na základě hlubšího průzkumu, který by zodpovědně mohli provést především sociolingvisté. Spíše s odkazem na intuici budeme hovořit o všeobecném povědomí, že sportovní terminologii, na rozdíl od jiných oborů, není obtížné porozumět, protože stupeň její odbornosti je nižší ve srovnání s některými vybranými obory, což je kromě jiného dáno i předmětnou realitou, v níž se pohybujeme a v níž sportovní terminologii užíváme. Jsme názoru, že tento závěr může platit pouze pro tu část terminologie, která označuje nejběžnější sportovní aktivity a názvy sportů, a to především u zdomácnělých termínů. Pro nové z nich zůstává v platnosti Lekantova [Lekant 2002: 40] klasifikace přejatých slov (termínů) do tří skupin v závislosti na stup-

ni „rusifikace“ daného slova, tj. nakolik se slovo v novém jazykovém prostředí asimilovalo graficky, foneticky, sémanticky, slovotvorně, morfologicky i syntakticky. Nalézáme pak:

1. slova přejatá (s různým stupněm asimilace), u nichž se jak grafická, tak i zvuková podoba slova zcela přizpůsobily jazyku přijímacímu, proto si zachovávají i svou původní sémantiku: *брейк-данс* – *breakdance*, *шейпинг* – *body shaping*, *каланетика* – *kalanetika*, *миддлшпиль* – *střední hra v šachu*
2. exotizmy – specifické národní názvy pro určitý předmět reality, které nemají synonymum v novém jazyce: *ката* – pohyby prováděné podle určitého schématu (obrana proti imaginárnímu nepříteli) *кунг-фу* i *кун-фу* – *kung-fu* aj.
3. barbarizmy – slova, slovní spojení nebo věty v cizím prostředí, které ještě nebyly plně asimilovány a mohou si uchovávat svou původní podobu nebo mohou procházet postupnou asimilací: *фёр плей* i *fair play*.

Mimo vši pochybnost však jsou zdroje, z nichž jsou současná ruská i česká sportovní terminologie doplňovány. Ve srovnání např. s ekonomickou a finanční terminologií, které čerpají především ze západních (anglo-amerických, méně již francouzských či německých) odborných pramenů, přejímají ruština i čeština nové sportovní názvosloví doslova z celého světa a aktivním mezičlánkem přejímání zůstává tradičně publicistika. Živelná touha uživatelů naplnit trh všemi sportovními aktivitami, které jak v Rusku, tak i u nás neměly své uplatnění, a proto si ani nevytvořily dlouhodobější tradici, obohacuje slovní zásobu termíny z řady jazyků, přičemž si i zde uchovávají své vedoucí postavení dvě „centra“ – tradiční angličtina jako základní zdroj především pro „velké a populární národní sporty“ – hokej, kopanou, košíkovou aj., dále pak východoasijské jazyky (japonština, korejština, čínština) především s terminologií bojových umění a zápasů, pro něž měla např. ruská sportovní tradice vždy porozumění. Do povědomí českých i ruských uživatelů již vešly, např.:

z angličtiny: *боулинг* – *bowling*, *сноуборд* – *snowboard*, *стритбол* – *streetball*, *пауэрлифтинг* – *powerlifting*, *сквош* – *squash*, *шорт-трек* – *short track*; čínské termíny: *ушу* – *wu-shu*, *кунг фу* – *kung-fu*; korejské termíny: *тхеквондо* i *тейквондо* – *taekwondo*; japonské: *карате* – *karate*, *дзюдо* – *judo*, *айкидо* – *aikido*, *джиу-джитсу* – *jiu-jitsu*; z francouzštiny: *пеманк* – *petanque*; ze španělštiny: *капоэра* i *капоэйра* – *capoeira*; z italštiny: *сальто* – *salto* aj.

Zatímco čeština zůstává při přejímání zpravidla u originálního pravopisu, což jí usnadňuje i stejný grafický systém, tj. latinka (*agua jogging*, *bodybuilding*) nebo se uchyluje k užití domácí vysvětlující synonymní varianty cizího termínu (*аквабайк* – jízda na vodním skútru, *бобслей* – *boby*), ruština obvykle dává přednost anglicismu transkribovanému azbukou (*акваджогинг*, *бодибилдинг*) a obdobně řeší i přejímky z ostatních jazyků, což může u našich příbuzných jazyků vést k rozdílům v konečné podobě přejímky, jejího pravopisu i výslovnosti: *дзюдо* – *judo* (vysl. džudo).

Proces přejímání termínů z jiných jazyků je, jak je zřejmé z uvedených příkladů, u sportovní terminologie velmi živý. Přispívá k tomu jak velká dynamičnost, tak i otevřenost daného subsystému a rovněž i specifické vnitřní vazby mezi termíny samotnými, které umožňují synchronní horizontální koexistenci jak slov domácích,

tak i zdomácněných (popřípadě ještě ne zcela zdomácněných) a slov úplně nových, tedy „čerstvě přejatých“. Tady nastává prostor pro již zmíněné procesy terminologizace, determinologizace i reterminologizace, kdy některá slova mohou subsystém opustit a přestat být v užívání, jiná naopak obohatí terminologický subsystém a stanou se jeho nedílnou součástí, některá dokonce mohou ztratit platnost termínu, vyjít ze subsystému a přejít do obecné slovní zásoby. Právě tento poslední pohyb je pro subsystém sportovní terminologie typický a může vést až k antropomorfnímu užívání sportovního pojmenování. Děje se tak zejména v publicistice, kdy se „zaužívaný“ sportovní termín stává nejednou objektem slovních hříček, což ústí až do tendence přemíry obrazného vyjadřování, která má, podle našeho názoru, ryze účelový charakter – podbízet se čtenáři, konzumentovi, jak o tom svědčí např. titulky ze sportovních rubrik českých novin: *Český fotbal vystřízlivěl* [LN, 10.10.2008], *Premiér League děsí dluhy* [tamtéž] aj.

Zamyšlením nad rusko-českou sportovní terminologií, jejíž lexikografické zpracování se určitě v budoucnu stane předmětem zájmu odborníků, jsme chtěli znovu aktualizovat problém přejímání termínů z různých typologických zdrojů do ruštiny a cestu jejich dalšího vývoje v terminosubsystemu. Stranou naší pozornosti zůstal vztah současné ruské sportovní terminologie k prapůvodnímu zdroji mnohých termínů, tedy k latině, k vlivu národních sportů na přejímání terminologie, stejně jakož i zaměření na lexikálně gramatickou analýzu sportovních pojmenování, jejich zapojení do paradigmatické flektivního jazyka a modelového řešení terminologických pojmenování ve sportovních oblastech.

Pozn: V článku byl použit excerpční materiál z diplomové práce Mgr. Evy Biolkové, kterou zpracovávala pod vedením autorky článku.

POUŽITÁ LITERATURA:

- ЛЕКАНТ, П.А. и др. (2002): *Современный русский язык*. М: «Дрофа»
Спортивные игры. Энциклопедический справочник (2004). Ростов н/Д.: Феникс.
 СУСЛОВ, Д.А. ТЫШЛЕР, Ф.П. (2001): *Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов*. М.: СпортАкадемПресс.
 BIOLKOVÁ, E. (2008): *Ruská terminologie moderních sportů*. Diplomová práce. Olomouc.
 BUKOVÝ, V. (1958): *Rusko-český slovník tělovýchovných a sportovních výrazů*. Praha: Sportovní a turistické nakladatelství.
 DAÑHELKOVÁ, Š. (2003): *Anglická sportovní terminologie*. Brno: Paido.
 HEŘMANSKÝ, J. (2003): *Moderní anglicko-český slovník sportovních výrazů*. Brno: Barrister a. Principal.
 POLANSKÝ, M. (1978): *Terminologizace, determinologizace a reterminologizace*. In: *Ruština v teorii a praxi*, 1, s. 17-20.
 POŠTOLKOVÁ, B., ROUDNÝ, M., TEJNOR, A. (1983): *O české terminologii*. Praha: Academia.

STANISLAV ŽAŽA

Česká republika, Brno

FUNKCE GENITIVU ADNOMINÁLNÍHO V ANTICKÝCH JAZYCÍCH A VE STARÉ RUŠTINĚ

ABSTRACT:

At the beginning of the paper the author mentions some opinions about the origin of the adnominal genitive (AG). The most frequent type of AG is the possessive G (*domus patris*). As synonymous means, the (possessive) adjectives occur (*δóμος Πηλῆιος, убиство Изорево*). There are some other types of AG, too, e.g. the explicative G, the G of provenance, G of the author, the subjective and objective G, the G geographicus (chorographicus), G of the evaluation etc. Sometimes singular types of G allow a subjective classification with regard to the fact that the real meaning of every type is dependent on its lexical contents. On the other hand, one can discover some common and particular tendencies referring to the functions of the AG in described languages.

KEY WORDS:

Adnominal genitive (AG) – possessive G – types of expressions – subjective evaluation – lexical contents – functional differences.

АБСТРАКТ:

В начале статьи приводятся мнения о происхождении родительного прилагательного (РП). Основной тип РП – Р посессивный (*domus patris*). Синонимным средством выражения является (притяжательное) прилагательное (*δóμος Πηλῆιος, убиство Изорево*). Встречается и ряд других типов Р: Р объяснительный, Р автора, Р субъекта, Р объекта, Р хорографический, Р качественной и количественной оценки, Р целого. Границы между отдельными типами РП шатки, и отдельные сочетания нередко позволяют субъективную классификацию ввиду того, что настоящее значение всего выражения зависит от его лексического содержания. В противоречие этому, можно установить некоторые общие и специфические тенденции, касающиеся функций РП в описываемых языках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Родительный приименный (РП) – Р посессивный – типы сочетаний – субъективная оценка – лексическое содержание – функциональные различия.

1. Adnominalní genitiv (dále G) se podle Delbrücka [Brugmann 1900: 391] pravděpodobně už v praindoevropštině vyvinul z G partitivního ve větách typu: *er isst des brotes, einen bissen* > *er isst des brotes einen bissen*. Brugmann v zásadě s tímto závěrem souhlasí, domnívá se však, že není třeba vycházet jen z partitivního významu, neboť podobný proces se mohl odehrát i ve větách jako *Ἐκτορος ἔκλυον*

αὐδὴν; οἰκός ἐστι πατρός ap., zvláště pak také v důsledku přenesení vazby slovesa na vazbu činitelského jména, např. *μυμνήσκεσθαι τῶν κακῶν > μνήμη τῶν κακῶν, δικάζειν κακώσεως > δίκη κακώσεως*. Podobně pak vznikala vzájemným působením s různými adverbálními genitivy i jiná spojení. Rozčlenit celou neurčitou a vzájemně se prolínající masu adnominálních útvarů je pak podle výstižného mínění Brugmannova ještě obtížnější než klasifikovat genitivy adverbální.

2. G v řečtině, latině i staré ruštině vyjadřuje **náležení** k někomu nebo něčemu, a to především ve smyslu **vlastnictví**, posidence, nebo **příslušnosti** v širokém smyslu slova, která může být větně vyjádřena predikátem *ἔχειν, habere, имети + Ak* [Večerka 1993: 191]. Jde o G přivlastňovací (possessivus), např.: *ἡ τοῦ πατρὸς οἰκία, θυγάτηρ Διός, Ἐκτορος γυνή, Σωκράτης (ὁ) Σοφρονίσκου (= υἱός); οἱ Σόλωνος νόμοι; domus patris, Gai filius, carmina Vergili; сынъ царя Владимира, столя отца своего Ярослава, домъ святое Богородици*.

3. Vztah příslušnosti se však původně ve všech třech jazycích vyjadřoval **adjektivy** tvořenými od substantiv. V **řečtině** je tento způsob vyjadřování hojný ve vlastních jménech zvláště u Homéra, např. *νηῦς Νεστορέη* ‚loď Nestorova‘, *δόμος Πηλέϊος* ‚dům Peleův‘, *Τελαμώνιος Αἴας* ‚A. (syn) Telamonův‘. Vedle toho je však možné užití **G**: *νηῦς Νέστορος, δόμος Πηλέως, Αἴας Τελαμώνος*. [Niederle-Varel 1974: 199]. Oba způsoby byly víceméně rovnocenné a mohly se proto vyskytnout i vedle sebe, např. *Νεστορέη παρὰ νηὶ Πυλοιογενέος βασιλῆος* Hom. V próze se s přivlastňovacím adjektivem setkáváme mnohem řidčeji než s tvarem G: ten je z hlediska pisatele pohodlnější, protože nevyžaduje shodu s řídícím jménem jako přivlastňovací adjektivum [Novotný 1955: 88].

Užívání přivlastňovacích adjektiv bylo rozšířeno i v **latině**, a to od jmen vlastních i obecných. V některých případech jsou spojení s adjektivem víceméně ustálena, např. *virgo Vestalis* ‚panna Vestina‘, *mensis Martius* ‚měsíc Martův‘, *campus Martius* ‚pole Martov‘, *flamen Dialis* ‚kněz Jovův‘, *forum Iulium* ‚náměstí Juliovo‘ a G se vyskytuje jako stylistická odchylka: *virgines Vestae* Tac; *campus Martis* tamt. Jindy se naopak přivlastňovacího adjektiva užívá napodobením spojení homérských: *Aeneia puppis coniugis Hectoreae* Verg.

V případech, kdy je možný obojí druh výrazů, mívá adjektivní spojení ráz přivlastňování **druhového**, spojení s G přivlastňování **individuálního**, např. *maiestas regia × mors regis; amor patrius × adventus patris; (Milonis) gloria, quae cotidie augebatur frangendis furoribus Clodianis iam Clodi morte cecidit*. Cic ‚klodiovský‘ × ‚Klodiův‘.

I v latině je možná juxtaopozice obou druhů přivlastňovacího určení, tj. adjektiva (zájmena) i G, sr. *moleste fero me consulem tuum studium adolescentis perspexisse* Cic; *ut mea defunctae molliter ossa cubent* Ov [Novotný 1955: 87].

Velice časté je vyjadřování posidence přivlastňovacími adjektivy (zájmeny) od jmen vlastních ve **staré ruštině**. G je zde v podstatě omezen jen na spojení substantiva s přivlastňkem nebo na substantivizovaná adjektiva, od nichž přivlastňovací adjektivum nelze vytvořit, jinak je u izolovaných vlastních jmen užití adjektiv takřka vylučné. Sr. *а что сель княже на новгородьскои земли твоихъ или княгининыхъ или боярь твоихъ, тех сель тебе спуститися* Новг дог гр; *а ставитися*

нашему влдыце в дому прчстые (= Пречистой, tj. Девы Марии) и оу гроба стго Петра чудотворца. на Москве Новг дог гр; Црствующего въ црстве Исакове, брата своего. Новг; Поведаю убиисто Игореве Сузд. [Борковский-Кузнецов 1965: 459].

Častá je kombinace přivlastňovacího adjektiva s G ve spojení křestního **jména** a **otčestva**, např. *соудь ярославль володимерица* РП; *В то же время преставися Глебовая (жена) Гюргевица Суздали* Лавр. Podobně: *а что ученился грабежь на волзе или инде где кнжимъ лодьямъ михаиловымъ (князя) тферского, или товат пойман* Новг дог гр. Někdy je střídání obou možností vyvoláno motivy stylistickými, např. *Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславича!* СПИГ; ... *за раны Игопревы, бугея Святъславича.* СПИГ.

O funkční totožnosti obou způsobů vyjadřování posidence svědčí i časté postavení G v **antepozici**: *Да съ ними приезжатъ бити челом техъ городовъ чернцы и попы и всякие люди.* Котош; *А брати таможникомъ тамга и все таможные пошлины съ Царевыхъ и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси селчань.* Ярослав там гр.

4. V řečtině i latině se G přivlastňovacího užívá i po **adjektivech** *ἱερός, ἴδιος, κοινός*; *sacer, proprius, communis, similis*: *πᾶσα γῆ ἱερά τῆς Αθηνᾶς; πάντα φιλιῶν κοινά; insula deorum sacra; amicorum communia omnia; veri similis*. Ve **staré ruštině** však stojí po adjektivech tohoto druhu vesměs D: *Ова убо именъ являются обща всему естеству, ова же собьствена коемуждо съставу.* Ио екз шест; *Никому же незнаемоу свценоу быти* Ефр крм; *Отъвсюде равенъ себе и подобьнь* Гр Наз. Ojedinelý G může být grecizmus (*κοινόν*): *Обыштааго въсехъ члкъ врага Панд Ант.*

Napodobením spojení *κάκιστος κακῶν, κάκιστος κακίστων* [Witkowski 1936: 269, Brugmann 1900: 393] je tzv. **stupňovací G** u tragiků (G der Steigerung) *κακά κακῶν, ἄρρητ' ἄρρήτων* ‚neslýchané strašné‘, např. *ἵνα πρόπαντα κακά κακῶν ξυνοικεῖ* Sof.

Analogická zdůrazňovací spojení jsou i v latině, zde však jde o substantiva, např. *victor victorum* Plaut; *reliquiarum reliquiae* Curt ‚poslední zbytky‘.

Ve **staré ruštině** je stupňovací G ve spojení *святая святыхъ* ‚svatyně‘: *естъ церкви Святая святыхъ дивно и хитро создана моусиею издну* Дан иг. Podobný příklad G ve staroslověnštině *въ векъ века* Ps je chápán jako vliv řecké předlohy *εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων*, kde jde zase o kalk z hebrejštiny; odtud název G *hebraicus* [Večerka 1993: 195].

5. Pojetí vlastnictví se často blíží pojetí **původovému**: G **původu** označuje příslušnost k rodině, místu, zemi, národu, světcům (paralelně tu nacházíme i G s předložkou): *Πέργαμον τῆς Μυσίας, τῆς δὲ Ἰταλίας* *Λοκροὶ μὲν Συρακοσίων ἦσαν* Thuk; *Lutetia Parisiorum* Caes *Damascus Syriae* Curt; (tzv. G *chorografický*); *Νησιῶ Προξένου (θυγάτηρ)*, *Caeciliam Metelli* Cic; *Послани... отъ всьехъ людии Руския земле* Дог Иг; *А хто иметь боярь или слугъ Новагорода Великого и Торжску и ис пригородеи служити тебе* Дог гр Вас Дм; *Старую грамоту той земли Оуласей (=Власий, Blasios) выдалъ стому Николе Закл Вл Степ; На*

память святыхъ отецъ нашихъ уже в манастири Святаго Савы избьеныхъ отъ Срацинь. Лавр.

6. G vysvětlovací (*g. explicativus, appositivus, definitivus*) označuje příslušnost tím, že substantivum obecnějšího významu sémanticky konkretizuje užším pojmem, např. *Θήβης ἔδος, studium scribendi, знамение мира*. Je považován za další vývojové stadium zčásti G posesivního, zčásti G obsahu a látky. V **řečtině** se G vysvětlovací vyskytuje poměrně vzácně, a to především u básníků, např. *βορᾶς ἐπωφέλημα* ‚potravinová pomoc‘ Sof; *πυρὸς θύελλαι* ‚ohnivý uragan‘ Hom; *Τροίης πτολίεθρον* ‚pevnost Troja‘ tamt.; *ἔρκος ὀδόντων* tamt. ‚ohrada zubů‘.

Častější je G vysvětlovací v **latině**, např. *studium quaestus* Caes ‚snaha po zisku, ziskuchtivost‘; *ars bellandi* Caes ‚umění válčit // válečné‘; *merces gloriae* ‚odměna záležející v slávě‘. Souvislost tohoto pádu s G posesivním se předpokládá u apelativa *nomen*: je tu nasnadě přechod od posesivnosti: *nomen fratris* ‚jméno bratrovo‘ k pojmenování: ‚jméno bratr‘, např. *ut perniciosus etiam rebus... nomen deorum tribueretur* (j. bohů // j. ‚boží‘) Cic [Novotný 1955: 95]. Častý je tento G právě u substantiv jako *nomen, vox, vocabulum, causa*, např. *vox voluptatis* ‚slovo slast‘, *causam fassus amoris* Ov ‚vyznav příčinu – lásku‘. G vysvětlovací bývá i u zeměpisných určení, u jmen stromů, látek ap., ale nikoli v klasické próze: *lacus Averni* Liv; *in regionem Epiri* tamt.; *urbem Patavi* Verg (v klas. próze *urbs Patavium, regio Epirus*); *herba lapathi* (m. *lapathum*) ‚bylina šťovík‘, *metallum auri* (m. *aurum*), ‚kov zlato‘.

G explikativní je vlastní i **staré ruštině**, např.: *даръ С̄тго Д̄ха Ефр Крм; В̄ годъ обѣда* Повестн Серб; *В годъ покоя* (= погребения) Сим посл (Пат Печ); *Праздновали день рождения дочери его царьскоу Котош; Знамение мира, еже не мясти ся* Никон Панд; *Память на нбси явшагося знаменія чьстьнааго крста* Мст ев; *Его же не може оувештати хитростию словесъ величатися, сего млчаниемъ*. Панд Ант; *От сего начьнь на обычаи хитрости приде*. Гр Наз; *Вяцей бяше ноцньныхъ страхъ мечьтъ*. Златоостр; *Что рекоу къ ширьни твоихъ щедротъ* Златоостр 12 в; *Взяша мастера дела своего мзду 20 рублевъ серебромъ*. Псков; *Соуди им Б̄гъ въ страшньи д̄нь втораго пришествия Х̄ва* Псков суд гр;

7. Za variantu G posesivního lze považovat také **G auctoris**, vyjadřující původce, vyskytující se ve **všech** třech jazycích: *οἱ Σόλωνος νόμοι, Ἰλιας Ομήρου, Ἀλέξανδρος ὁ Φιλίππου, ἡ ἀνδρεία τῶν πολιτῶν*; *libri Ciceronis, vitia hominum, sententiae sapientium*; *грамота великого князя, словеса Исаия пророка, письмо цря Володимера*.

Je-li nadřazeným členem **G deverbativum** (především *nomen actionis* nebo *agentis*), jde buď a) o **G subjektový**, zastupuje-li G subjekt děje (stavu) vyjádřeného deverbativem, nebo b) o **G objektový**, zastupuje-li G objekt děje. I zde se spatřuje souvislost s G posesivním: *φόβος τῶν πολεμίων* ‚strach nepřátel‘ pův. ‚strach patřící nepřátelům‘ [Witkowski 1936: 272]. Např.:

a) *Ἀλέξανδρος ὁ Φιλίππου τὴν τῶν Περσῶν ἀρχὴν ἐν Ἀσίᾳ κατέλυσεν. Ἐγένετο τῶν βαρβάρων φόβος πολὺς· οἱ δ' Ἕλληνες σὺν γέλωτι ἐπὶ τὰς σκηνὰς ἦλθον* ‚strach barbarů‘. U básníků se G subjektivní vyskytuje i při participiu pasivním: *σὺ δ' ἐν*

Αἰδα δὴ κεῖσαι, σᾶς ἀλόχου σφαγεῖς ... , Ἀγάμεμνον Eur. ‚zavražděný svou ženou‘

b) Ἐγένετο τῶν βαρβάρων φόβος πολὺς ‚strach z barbarů‘. Καὶ ἐν κακίστοις πράγμασιν ἢ ἐλπίς τῆς σωτηρίας τὸν ἄνθρωπον τρέφει ‚n. na záchranu‘.

Někdy je spojen s týmž substantivem i G subjektový i objektový, např. Ἡ τοῦ Ἀχαιῶν ἀρχὴ τῶν νεῶν ἀρχή ‚Lachétovo velení nad loďstvem‘.

K objektovému G lze řadit i G po výrazech označujících **vládce**: ἀναξ ἀνδρῶν, ποιμῆν λαῶν, βασιλεὺς Ἀχαιῶν.

Srov. v **latině** a) *coniuratio Catilinae; ira deorum* Caes; *recordamini, quantus consensus vestrum fuerit* Cic; b) *Camillus in urbem triumphans rediit trium simul bellorum victor* Liv; obojí G: *pro veteribus Helvetiorum iniuriis populi Romani* Caes ‚křivdy H. proti národu římskému‘.

Analogicky i ve **staré ruštině**: a) *Почаша п̄сати ст̄ою Соф̄ию ст̄яжсянием̄ стого вл̄ды Новг̄* ‚nákladem‘; *Князь... послалъ въ Крымъ къ царю Мингулигу-рею... возвестити ему отца своего пр̄ставление Соф̄ вр; М̄твою оца своего князя великого Ивана Грам Олег Ряз;* b) *Аще книгъ хранитель достойно не прилежитъ, сухо да естъ Феод Студ Ост; Дастъ бо ся душамъ ихъ (Апостоловъ) духовная д̄рзость познаниемъ своего Владыки Кир Тур; Председателю нашему... сродно зацицать убийство крестьян.* Рад.

8. **G vlastnosti/míry** (*G qualitatis*) a hodnoty/ceny (*G pretiī*) vyjadřuje vztah příslušnosti, náležitosti mezi osobou (věcí), ale svým způsobem obráceně proti G posesivnímu: G zde nevyjadřuje subjekt vlastnictví jako ve spojení ἡ τοῦ πατρὸς οἰκία, *domus patris*, ale jeho objekt: ὁδὸς τριῶν ἡμερῶν, *vir magni ingenii*.

Zdrojem G vlastnosti je původní juxtapozice jmenných výrazů: *vir, animus magnus* > *vir animi magni*. G obsahuje proto náležitě přívlastek, který byl v původní jmenné větě predikátem: *animus magnus (est)*.

Tento G je častější v **latině** než v **řečtině** [Witkowski 1936: 272; Novotný 1955: 91], neboť řečtina zde využívá také složených adjektiv, sr. *παῖς δεκαέτης* × *puer decem annorum*, *θεὸς πολυώνυμος* *deus multorum nominum*. Další řecké příklady na G: *πρᾶγμα πολλοῦ πόνου, δοῦλος πέντε μῶν*, Ὅσοι τῆς αὐτῆς γνώμης ἦσαν (ve jmenném přísudku); *Λόγου οὐδενὸς γινόμεθα πρὸς Περσέων* Her ‚nejsme ani za mák cenění‘; lat.: *vir ordinis senatorii, classis ducentarum navium, res magni discriminis; Agesilaus octoginta annorum in Aegyptum profectus est* Liv.

Synonymním výrazovým prostředkem je v **latině Abl vlastnosti**, často užívaný i současně s G: *vir magni ingenii summaque prudentia* Cic.

Ve **staré ruštině** se G vlastnosti vyskytuje také: *Дали есмо на веки тоу млинъ... тымъ мнихомъ казателевого закону.* Жал гр Под кн; (Богъ) гордыхъ высокая мысли низложу Псков; *Възрасть оуности моя (такъ назвалъ Борисъ своего отца).* Нест Бор Гл; (Зверь) паче некротеи будетъ и нрава беднеи Гр Наз; častější bývá zvláště k udání míry: *шириною лактъ д̄воудесятоу и высоту лакотъ съта ти д̄воудесятоу.* Изб 1073 г; *В высоту двухъ пядей* Летоп Коттон библ; *А гробъ Господень мера его въ длину девять пядей, а ширина гроба четырехъ пядей* Игн Пут

9. **G celkový** vyjadřuje celkové množství, míru (látku), jehož/jejíž část udává nadřazený člen: omylem se proto celkový G někdy nazývá *partitivní*: termín

partitivní přísluší však tomu G, který **sám** vyjadřuje (neurčitou) část, míru nějaké látky, množství, např. ὄφρα πίοι οἶνοιο Hom; τῶν Πυθαγορείων πέμπω σοι Her; *aquae paulatim addito* Cato; *admisceto mellis quam optimi*; *переливати масла*, Феод Студ Ост; *приимиши брашна* Нест Бор Гл; *позва владыка хлеба ясти го-сударя своего* Псков.

Příklady G celkového: *λέντε μυαῖ ἀργυρίου*, *κισσύβιον μέλανος οἶνοιο* Hom; *μέδιμνος ἀλεύρων* ,pšeničné mouky' *κρήνη ἠδέος ὕδατος*, *κόπη ἐλέφαντος* (G látky nebo míry je vždy bez členu), *πλήθος ἀνθρώπων*, *πάντων σοφώτατος*; *ὁ πρεσβύτερος τῶν παιδων*, *ὁ στρατηγὸς τῶν συμμάχων*, *duae librae olei*; *argenti pondi viginti milia* Caes ,20 tisíc liber'; *tria milia equitum*; *multae arborum* ,ze stromů', *sapientissimus Graecorum*; *пять гривнь серебра*; *лоскутъ земли*; *да пудъ меду детемъ* Новг берест гр; *пять ногатъ за лисицу... а за три лисицы 40 кунъ без нагаты*. Уст гр Смол., *Посла емоу одевало ценою златникъ 36 Пат скит*; *молитва всехъ* ПБМ

10. G celkový stává ve **všech třech** jazycích také u substantivizovaných **zájmen** nebo **příslovcí**: *Τίς ὑμῶν*; *Τίς ἀνδρῶν*; Her ,co je to za člověka?' *Τῶν πάντων ἕκαστος* Hom // *οἱ ἕκαστοι* Hes ,naprosto všichni'; (*έορται*) ... *ἐκάστοις τῶν θεῶν* Plat; *φίλων τις* Plat ,někdo z přátel'; *οἱ μὲν αὐτῶν ἐτόξευον*, *οἱ δὲ...* Xen; *νῆες, ἃν ἦσαν αἱ εἴκοσιν* Thuk; *ποῦ γῆς*; // *χθονός*; Trag; *ποῦ τῆς χώρας*; ,(tak) kde vlastně?' *ἐμβαλεῖν ποῦ τῆς χώρας* Her ,do kterékoli části země'.

Quis vestrum? Quis omnium mortalium non intellegit? Quid est causae? Caes; *id temporis* Caes ,ten čas'; *id negotii* N ,tato úloha'; *ad id loci* Sal ,na to místo'; *hominibus id aetatis* Caes ,lidem tak starým'; *ubi terrarum // gentium?* ,kde na světě?' *nimis insidiarum* Cic;

А кто моухъ бояръ иметь служити моей княгине, ... Дух и дог гр кн вел.; А кто техъ выидеть изъ уделовъ детей моухъ..., инъ земли лишень Дух Влад Андр; А которыи насъ в лицевъ, на томъ деньгу А Ю; Въ своеи келии къждо васъ да молитъ Бога Нест жит Феод; *Семь бы разоумети комоуждо васъ* Новг . Méně často je tu předložkový G s *отъ*. O poměru předložkového a bezpředložkového G a předložek *отъ* a *изъ* sr. [Večerka 1993: 193]: *Се единъ отъ нихъ, не веды, възиде на стую* Нест Бор Гл; *Повеле яти два кая отъ народа* Жит Кондр.

11. Ve **staré ruštině** je G celkový součástí některých **číselných** výrazů , v nichž vyjadřuje počítaný předmět. Je tomu tak především u **základních** číslovek od *пять* po *тысяча* (popř. u velmi vzácných výrazů pro vyšší hodnoty, jako *тыма*, *легион*, *леодръ*, *воронъ*, *колода* [Борковский-Кузнецов 1965: 254]. Tyto číslovky měly původně status substantiva, a G počítaného předmětu se spojil se všemi jejich rádrovými tvary, např. *съ шестию или съ пятию отрокъ* Жит Феод Печ. *Выехавъ въ погоню съ малою дружиною... съ шестьюдесятью мужъ* Псковичъ. Псков; *Ярославъ же ответъ да: миру не хошу, пошли есте, поидите же, но ни сту васъ достанется одинъ васъ ,z vás'* Сузд. Tento stav se drží velmi dlouho a jako archaizmus jej nalézáme ještě u Lomonosova: *Въ каждую осьмъ минутъ (соверша-ется) распротертие света до земли от солнца*).

G po **souborových** číslovkách: *Положатъ малыхъ детокъ семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ* Псков zčásti trvá do současnosti: *Трое саней ждало у станци*. Z lit.

V **řečtině i v latině** mají číslovky ráz adjektiv. Počítaný předmět je proto vyjádřen pádem totožným s pádem číslovky (až na lat. plurál *milia*, který se chápe za substantivum a vyžaduje proto ve všech pádech G: (*duo*) *milia hominum*, *milium hominum*, (*de, a*) *milibus hominum*).

12. Hranice mezi uvedenými podtypy adnominálního G jsou **vágní** a jednotlivá konkrétní spojení obsahující G dovoluují nezřídka subjektivní klasifikaci. Je to způsobeno tím, že samo spojení jména s G je pouhým sémanticky prázdným signálem syntaktické závislosti, kdežto skutečný význam celého výrazu závisí na jeho **lexikální náplni** a na tom, jak ji chápou účastníci komunikativní situace; sr. o tom podrobně [Večerka 1993: 193]. Lze však na druhé straně zjistit určité obecné i specifické **rozdíly** v celkovém uplatnění, resp. **funkčním zatížení** G v jednotlivých námi porovnávaných jazycích. Nejde ovšem o nějaké zákonitosti, ale spíše jen o projev určitých tendencí.

13. Tak např. v uplatnění vztahu posesivního G a přivlastňovacího adjektiva u vlastních jmen vidíme **omezení** různého druhu: v řečtině jsou adjektiva omezena více méně jen na poezii (*δόμος Πηλῆιος*), v latině zase více na ustálená spojení (*virgo Vestalis*), kdežto ve staré ruštině je naopak omezen G na případy, kdy nelze utvořit adjektivum (tj. na jména s přivlastkem nebo na substantivizovaná adjektiva (*зроб тгго Петра, дом прчстые* /= *Пречистой*/). Do **současné** ruštiny se však přivlastňovací adjektiva zachovala jen v krajně omezené míře. V řečtině i latině je G chorografický: *Πέργαμον τῆς Μυσίας*, *Damascus Syriae*. Jeho obdobu nalézáme spíše v ruštině **současné**, např. *город Сургут Тюменской области*. V řečtině a latině se G přivlastňovací se pojí i adjektivy (*πάντα φιλῶν κοινά*, *amicorum communia omnia*), kdežto ve staré ruštině je v těchto případech D (*Ова убо обца всему естествоу*) G vysvětlovací se v řečtině vyskytuje poměrně vzácně, a to u básníků (*πυρὸς θύελλαι*), zatímco v latině je častý (*studium scribendi, vox voluptatis*). Stará ruština jej zná také, i když v menší míře (*Знамение мур*).

Rozdíly jsou také ve frekvenci G vlastnosti. Řečtina více využívá složenin (*παῖς δεκαέτης* proti latinskému *puer decem annorum*). V latině je G vlastnosti synonymní s Abl (*vir magni ingenii summaque prudentia* Cic). V ruštině je tento G častý při udávání míry (*ширина лакътъ двоудесятоу, висость двух пядей*). Ve všech třech jazycích se uplatňuje G celkový (neprávem zvaný *partitivní*): (*πέντε μνᾶί ἀργυρίου, duae librae olei, пять гривень серебра*) (viz § 9).

Základní typologický rozdíl mezi řečtinou a latinou na jedné straně a starou ruštinou na druhé představuje výhradní využití celkového G jako počítaného předmětu u **číslovek** v ruštině (viz § 12).

Tento příspěvek vznikl jako součást výzkumného záměru Masarykovy univerzity v Brně „Interdisciplinární výzkum starých jazyků a starších fází jazyků moderních“ (MSM 0021622435).

POZNÁMKA:

Z typografických důvodů nahrazujeme v dokladech ze staré ruštiny některé znaky cyrilice literami, které jsou k dispozici v současné ruské abuce, neboť pro účely naší syntaktické analýzy nejsou plně autentické tvary liter relevantní. Tak píšeme **e** za *jať* i za *prejotované e*; **я**, **ю** za *jusy* i za *prejotované a*; **ѣ** za *thétu* (*fitu*); **u** za *i* a za *ižici* (*řecké y*); **o** za *omegu*. Jinak usilujeme o zachování původního pravopisu jednotlivých dokladů v předloze (*jerj, oy, velká písmena, titly* ap.).

ZKRATKY ŘECKÝCH A LATINSKÝCH AUTORŮ:

Caes – Caesar, Cic – Cicero, Curt – Curtius, Eur – Euripides, Her – Herodotos, Hes – Hesiodos, Hom – Homér, Liv – Livius, N – Nepos, Ov – Ovidius, Plat – Platon, Plaut – Plautus, Ps – Psalterium Sinaiticum, Sal – Sallustius, Sof – Sofokles, Tac – Tacitus, Thuk – Thukydidés, Trag – Tragicí (Aischylos, Euripides, Sofokles), Verg – Vergilius, Xen – Xenofon.

ZKRATKY STARORUSKÝCH PRAMENŮ:

A Ю – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства; Гр Наз – Творения Григория Назианзина; Грам Олег Ряз – Жалованная грамота Пязанского кн. Олега Ивановича Ольгову мон.; Дан иг – Странник Даниила игумена; Дог Иг – Договор вел. кн. Игоря с греками; Дог гр Вас Дм – Договорная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича 1390 г.; Дух Влад Андр – Душевная грамота кн. Владимира Андреевича 1410 г.; Дух и дог гр кн вел – Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных; Ефр Крм – Кормчая книга Ефремовская (около 1100 г.) Жал гр Под кн – Жалованная грамота Подольского кн. Александра Корнатовича Смоленскому мон.; Жит Кондр – Отрывок Жития св. Кондрата (11 в.); Жит Феод Печ – Житие Феодора, игумена печерского; Закл Вл Степ – Закладная Власия Степановича мон. св. Николая на Чухченеме; Златостр 12 в – Златоустрий по списку 12 в.; Игн Пут – Записки Игнатия чернеца о путешествии митр. Пимена в Царьград и Иерусалим; Изб 1073 г – Изборник Святославов; Ио экз шест – Шестоднев Иоанна, екзарха Болгарского; Кир Тур – Творения Кирилла, еп. Туровского; Котош – Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича; Лавр – Летопись по Лаврентьевскому списку; Мст ев – Мстиславо евангелие Московского Архангельского собора 1117 г; Нест Бор Гл – Чтение чер. Нестора о житии и о погублении Бориса и Глеба; Нест Жит Феод – Житие отца Феодосия, написанное черн. Нестором до 1093 г.; Никон Панд – Пандекты Никона Черногорца; Новг – Новгородская летопись по Синодальному списку; Новг берет гр – Новгородские грамоты на бересте 1953-54 г.; Новг дог гр – Новгородская договорная грамота; Панд Ант – Пандект Антиоха; Пат скит – Патерик Скитский 1296 г.; Повестн Серб – Повестник 14 – 15 в. (Сербский); ПВМ – Поучение Владимира Мономаха (до 1125 г.); Псков – Псковская первая летопись; Псков суд гр – Псковская судная грамота; Рад – А.Н. Радищев; РП – Русская правда по Синодальному списку; Сим посл (Пат Печ) – Послание епископа Симона к иноку Поликарпу; Соф вр – Софийский временник; СПИг – Слово о полку Игореве; Сузд – Суздальская летопись; Уст гр Смол – Уставная грамота смоленского князя Постислава Мстиславича Смоленской епископии; Феод Студ Ост – Феодора, игумена. Студийского, о останках церковных; Яросл там гр – Ярославская таможенная откупная грамота 1595 г.

POUŽITÁ LITERATURA:

- BARTONĚK, A. (2008): *Řecko-latinská syntax v evropském kontextu*. Brno: Masarykova univerzita.
- BAUER, J. (1972): Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků. In: *Syntactica Slavica*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, s. 47-67.
- BĚLIČOVÁ, H. (1982): *Sémantická struktura věty a kategorie pádu*. Studie a práce lingvistické 17, Praha, Čs. akademie věd.
- BRUGMANN, K. (1900): *Griechische Grammatik* 2.1. München: Beck, s. 373-412.
- CHANTRAINE, P. (1997): *Grammaire Homérique*, 2, Syntaxe. Paris.
- ECKHOFF, H. M. (2001): *The use of non-prepositional case in the Old Russian NP*. Meddelelser. Nr. 85. Oslo: Universitetet.
- Encyklopedický slovník češtiny* (2002). Ed P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: LN, s.151 n.
- ERHART, A.(1984²): *Základy jazykovědy*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.(1998): *Skladba češtiny*. Olomouc: Votobia.
- HEINZ, A.(1955): *Genetivus w indoeuropejskim systemie przypadkowym*. Warszawa.
- HORECKÝ, J. (1946-48) Poznámky k celostnému významu pádov v latinčine. *Linguistica Slovaca* 4-6. Bratislava, s. 44-55.
- HUBKA, K. Strukturální a systémový popis syntakticko-sémantických jevů (Nad Lavencyho studií o latinských pádech.) In: *Moderní lingvistika a klasické jazyky*. Ed. H. Kurzová, Praha: Čs. akademie věd. s. 9-31.
- JAKOBSON, R. (1936): Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. In: *Travaux du Cercle linguistique de Prague* 6, s. 240-288.
- KARLÍK, P. (2000): Hypotéza modifikované valenční teorie. *Slovo a slovesnost*, 61, s.170-189.
- KOPEČNÝ, F. (1962²): *Základy české skladby*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- KOSTER, W. J. W.(1952): De Graecorum genitivo, qui dicitur auctoris. *Mnemosyne* V, 4a, 90-93.
- KURYŁOWICZ, J. (1949): Le problème du classement des cas. In: *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* IX.. Kraków, s. 20-43.
- MAIER, I. (1997): *Verbalreaktion in den Vesti-Kuranty (1600-1660)*. Uppsala.

- MENGE, H. (2000): *Lehrbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. Darmstadt.
- MIKO, F. (1962): *Rod, číslo a pád podstatných mien*. Bratislava. Slovenská akadémia vied. MRÁZEK, R. – POPOVA, G. V. (1984): *Historický vývoj ruštiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- NIEDERLE, J.- NIEDERLE, V. – VARCL, L. (1974): *Mluvnice řeckého jazyka*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- NOVOTNÝ, F. (1955): *Historická mluvnice latinského jazyka 2*. Praha: Čs. akademie věd.
- PRAŽÁK, J. M. – NOVOTNÝ, F. – SEDLÁČEK, J. (1948¹⁶): *Latinsko-český slovník*. Přepočal F. Novotný. Praha: Česká grafická unie.
- RIX, H. (1976): *Historische Grammatik des Griechischen*. Darmstadt.
- SERBAT, G. (1996): *Grammaire fondamentale du latin*. Tome 6. *L'emploi des cas en latin*. Vol. 1. Louvain-Paris: Peeters.
- SCHWYZER, E. (1988⁵): *Griechische Grammatik 2, Syntax und syntaktische Stilistik*; ed. A. Debrunner, München: Beck, s. 137-173.
- SMYTH, H. W. (2002): *Greek Grammar*. Harvard University Press, s. 328-337.
- SOMMERFELT, A. (1922): Le génitif adnominal en indo-européen. In: *Bulletin de la Société de linguistique*, díl 1, sv. 1, s. 18-22.
- Staroruská čítanka*. (1989): Zprac. V. Blažek, E. Fojtíková, S. Mathauserová, O. Kovačičová. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- STRAKOVÁ, V. (1969): Slovesná determinace pádová. Čs. rusistika 14, s.
- VEČERKA, R. (1973): Řecký podíl na formování staroslověňštiny jako spisovného jazyka Velké Moravy. In: *Čs. přednášky pro VII. MSS ve Varšavě*. Praha: Academia, s.57-66.
- VEČERKA, R. (1993) (spoluprac. F. Keller, E. Weiher) Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax 2. Die innere Satzstruktur. In: *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, B 24 (27,2). Freiburg i. Br.: Weiher, s. 195-198, 244-310.
- WITKOWSKI, S. (1936): *Historyczna skladnia grecka na tle porównawczem*. Lwów: Mianowski, s. 225-308.
- WOODCOCK, E. C. (2002): *A new Latin syntax*. London, s. 50-70.
- ŽAŽA, S. (2008) K funkčnímu zatížení dativu v antických jazycích a ve staré ruštině. In: *Sborník prací FFBU – Linguistica Brunensia A 56*, s. 77-105.
- БОРКОВСКИЙ, В. И.- КУЗНЕЦОВ, П. С. (1965²): *Историческая грамматика русского языка*. Москва, «Наука», s. 454-494.
- БРАНДНЕР, А. (Brandner, A.) (2006): Исторические аспекты семантики дательного падежа. *Przegląd rusycystyczny* 2006, seš. 3 (115), s. 9-18. Katowice.
- ГРЕГОР, Я. (Gregor, J.) (2006) Согласованное определение в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях. In: *Доклады 63-й научной конференции... Санкт-Петербург*, s. 80-83.
- ДВОРЕЦКИЙ, И. Х. (1958): *Древнегреческо-русский словарь* 1, 2. Москва. ГИНС.
- ДУБРОВИНА, Л. (2002) *Вариативное глагольное управление в русском языке первой трети XIX века*. Uppsala.
- ЗОЛОТОВА, Г. А. (1988): *Синтаксический словарь*. Москва. «Наука».
- Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение*. (1978) Под ред. В.И. Борковского. Москва. «Наука», 1978.
- ЛОМТЕВ, Т. П. (1956): *Очерки по историческому синтаксису русского языка*. Москва: Московский Государственный Университет.
- МЕЛЬНИКОВ, Г. П. (1980): Природа падежных значений и классификация падежей. In: *Исследования в области грамматики и типологии языков*. Москва.
- МРАZEK, P. (Mrázek, R.) (1964): *Синтаксис русского творительного*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství
- ОБНОРСКИЙ, С. П. (1946): *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. Москва-Ленинград: Академия наук СССР
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1997): The genitive case of the subject: syntax or semantics? *Вопросы языкознания*, č. 2.
- ПОТЕБНЯ, А. А.(1958): *Из записок по русской грамматике* 1, 2. Москва: Учпедгиз РСФСР, 1958, s. 378.
- ПРАВДИН, А. Б.: (1958): Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. In: *Краткие сообщения Института славяноведения* 25, s. 23-44.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И. (1958): *Материалы для словаря древнерусского языка* 1-3. По изд. 1903-1912 гг. Москва, ГИИНС.
- СТЕЦЕНКО, А. Н. (1977): *Исторический синтаксис русского языка*. Москва: «Высшая школа».
- СТЕПАНОВ Ю. С. (1968): Проблема классификации падежей. Совмещение классификаций и его следствия. *Вопросы языкознания*, č. 6, s. 36-48.
- ШУЛЬГА, М. В. (1987): The history of the East-Slavonic genitive. *Вопросы языкознания* č. 6.

